

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

63.3(2)

П-77

М. Д. ПРИСЕЛКОВ

456

НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ

~~68467~~

ПЕТЕРБУРГ

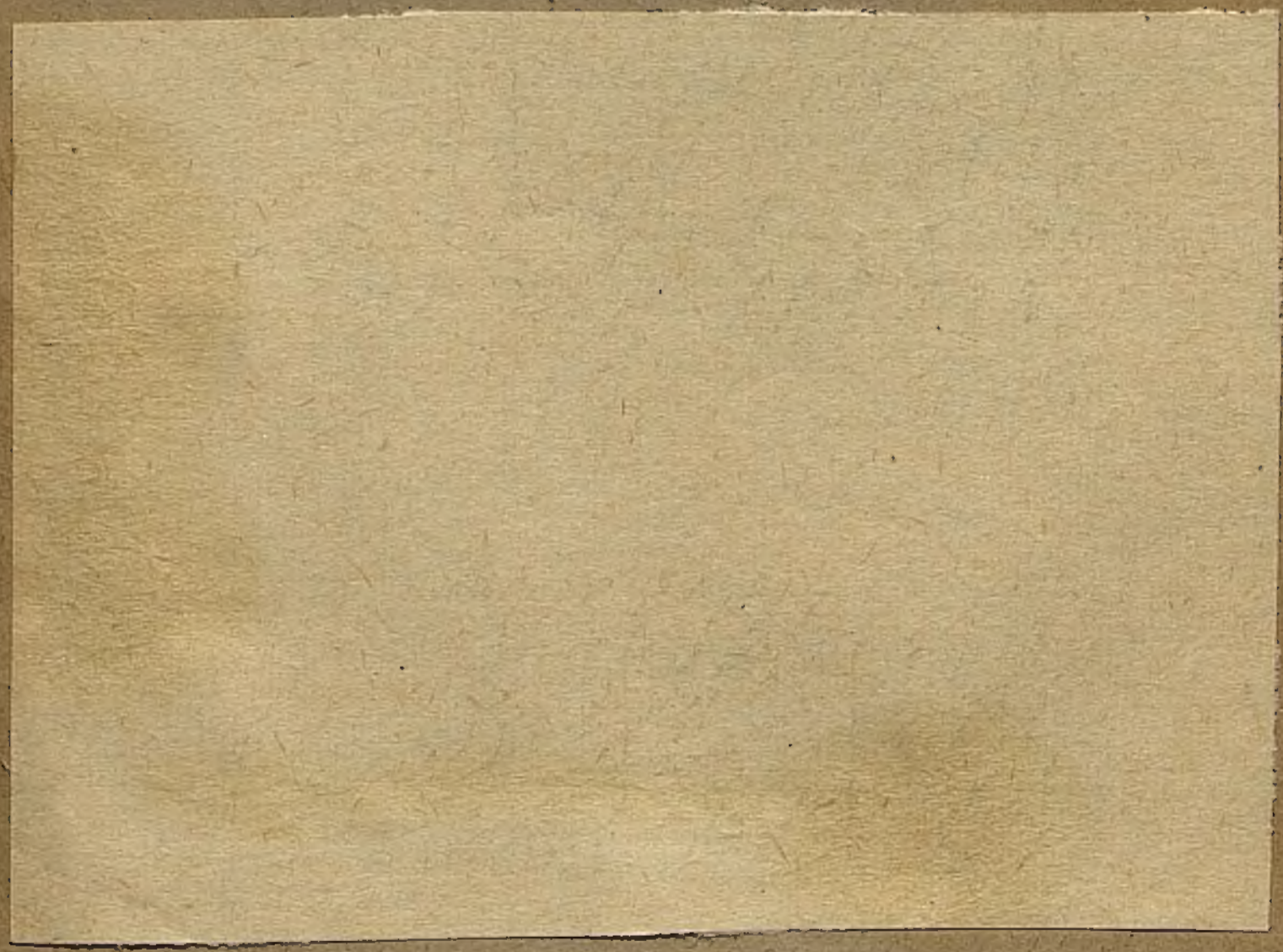
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН

1923

92

56

✓



ПРОВЕРЕНО
1839 г.



1941

А

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ПЕТРОГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

68461

Копия бланка-заказа высылается вместе
с книгой или служит ответом на запрос

№№ абонента	_____	_____	_____	Особые отметки
	_____	_____	_____	
	_____	_____	_____	
	_____	_____	_____	
	_____	_____	_____	
	_____	_____	_____	
	_____	_____	_____	
Автор	_____	_____	_____	

кз.

63

п-77

М. Д. ПРИСЕЛКОВ

1918

~~3893~~

ДА

~~92~~
~~Н 56~~

1965

НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ

ОПЫТ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

00

~~5769~~

Ин. № ~~68461~~

68461

91

ПРОВЕРЕНО 1985 г.

Ин. 2623

68461

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1923

RECTOR JETONRETT

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO, ILLINOIS

ОТ РЕДАКТОРА

Прошлое тесно связано с настоящим; познание его светит и в будущее. Целое человеческой жизни создает великий собирательный организм, в развитии которого участвуют все поколения. Тут и чутся насущность изучения истории для самосознания живущих, объясняется проявляемый к ней никогда неослабевающий интерес. На „образах человечества“ уразумевается природа целого и его частей, всех времен и отдельных эпох. Деятели истории — очи человечества, и око науки, проникая в их душу, открывает душу истории. Служить такой задаче должен рождающийся здесь замысел. Предметом каждой книжки начинаемой биографической серии явится историческое лицо, вырастающее из живой почвы разных времен и народов, работавшее в одной из многих сфер труда и культуры. Перед читателями будут проходить герои и гении, великие и замечательные люди, мыслители, учителя, вожди и слуги народные и просто сильные, характерные личности, знаменующие свой век, свой народ, свое дело и судьбы человечества.

вообще. Все области культуры — социальный строй и его движения, хозяйственное строительство, жизнь государства и политика, наука и литература, просвещение и быт, поэзия и искусство, философия и религия — будут затронуты в их ярких носителях от далекой древности до современности в пределах родного нашего прошлого и в других странах земли. Сказанным поясняется общее заглавие серии — „образы человечества“. Очерки будут чередоваться свободно, по наличности компетентных авторов, возлюбивших то или иное выдающееся историческое лицо, как предмет научного истолкования, а также по выдвигающемуся особому интересу: они лишь постепенно образуют, силою углубленного, беспристрастного исследования, идейную целостность, освещающую и реальное единство истории. Книги обращаются к широкому кругу читателей, ищущих научного просвещения, и редактор уверен, что издательство удовлетворит ими важную духовную потребность.

Проф. Ив. Гревс.

Постановка темы.

До нас дошли два произведения конца XI века, — оба обширные по своим размерам и во многом весьма драгоценные по содержанию: „Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпцю Бориса и Глѣба“ и „Житие отца нашего Феодосия, игумена Печерскаго монастыря“, — принадлежащие перу монаха Киево-печерскаго монастыря Нестора.

Никто никогда не сомневался в авторстве Нестора в отношении этих двух произведений, и, хотя во всяком другом случае мы бы уже располагали даже не одною попыткою, на основании двух произведений, дать характеристику литературной деятельности и историко-литературную оценку их автора, — однако, никто в данном случае серьезно не попытался сделать этого в отношении Нестора вплоть до последнего времени.

Объяснение этому, на первый взгляд странному обстоятельству нужно искать в том, что упорная литературная традиция, идущая от

первой четверти XIII века, называет обычно Нестора — летописцем, т.-е. забывая два первых его житийных произведения, приписывает ему литературную славу по третьему произведению — летописи. Однако, такой летописи с прямо засвидетельствованным именем Нестора, как ее автора, до нас не дошло, хотя между 1113 — 1116 г.г. в Киеве и появился летописный свод, который теперь коротко называют „Повестью временных лет“, и в заглавии которого упоминался, как автор „черноризец Федосьева монастыря Печерского“. Сопоставление традиционного прозвища Нестора летописцем с наличием близкой к его времени летописной работы, имевшей большой успех и заслужившей общее признание в истории нашего летописания, — что, между прочим, выражалось, и в том, что „Повестью“ стали начинать всякие попытки позднейшего летописания, — все это и привело к утверждению за Нестором авторства этой „Повести“, что, может быть, еще и в древности отразилось в приписке в заглавии „Повести“ имени Нестора, как автора (напр., в хлебниковском списке). Утверждение это в новейшее время, при самом поверхностном ознакомлении с нашими летописями, было осложнено уверенностью, что „Повесть временных лет“ представляет собою начальный момент нашего летописания и есть цельный литературный памятник, вышед-

ший из-под пера одного автора, что приводило к признанию за Нестором славы первого нашего летописца.

Однако, скоро обнаружилась невозможность такой постановки дела, потому что автобиографические данные, сообщаемые Нестором в „Житии Феодосия“, сопоставленные с теми местами „Повести временных лет“, где автор говорит о себе в первом лице, не могли быть возведены к одному лицу, как бы хитро и тонко такое согласование не предпринималось. Вот почему в науке возгорелась своеобразная и во многом даже страстная полемика по вопросу о том, был ли Нестор наш первый летописец? Нам теперь уже ясно, что полемика эта не могла привести к удовлетворительному результату, так как обе стороны упирались в безысходную стену — в упорную мысль, что „Повесть временных лет“ — первенец нашего летописания и цельное произведение.

Бесплодность этой полемики имела и ту невыгодную сторону, что отвлекала ученое внимание от разбора и совокупной оценки бесспорного литературного наследства Нестора, и мы имеем многое, написанное по поводу Нестора, но не о нем самом.

Разработка истории нашего летописания, достигшая замечательных и в целом прочных результатов, в особенности в трудах А. А. Шах-

матова, разъяснила нам теперь многое в „несторовом вопросе“, запутанное самою постановкою темы, и, сверх того, дает теперь возможность гораздо внимательнее и глубже, чем прежде, взглядеться в умственную и литературную жизнь рубежа XI—XII веков с ее тревогами, думами и надеждами. На этом общем фоне, сопоставляя то, что можно с уверенностью отнести в истории нашего раннего летописания участию в нем Нестора, с двумя его житийными трудами, мы можем довольно отчетливо и ярко представить себе литературный облик Нестора, оценить его талант и в его оригинальном творчестве, и в мастерстве выражения тех течений русской общественной мысли конца XI—начала XII вв., которые сложились и окрепли в национальное сознание в стенах Печерского монастыря и позже легли, как основа, в историю нашей умственной жизни и нашей литературы до самой середины XV в.

II

Нестор до вступления в Печерский монастырь.

Единственная бесспорная биографическая черта Нестора сохранилась до нас в составленном им „Житии Феодосия“, где Нестор,

заканчивая этот свой труд, счел нужным напомнить еще раз читателю о том, что весь материал „Жития“ он почерпнул из живой еще монастырской традиции („испытовая, слышахъ отъ древнихъ мене отецъ, бывшихъ в то время“), так как сам вступил в монастырь уже после смерти игумена Феодосия, хотя и при первом его заместителе — игумене Стефане (1074 — 1078 гг.), — который не только принял Нестора в стадо феодосьево и постриг, но и сподобил „мнишеской одежды“, и даже возвел в диаконский сан.

Если мы к этому добавим, что в самом начале „Жития Феодосия“, можно сказать, в самых первых его строках, Нестор в молитвенном обращении благодарит бога за осуществление этого своего второго житийного труда, называя при этом своим первым житийным трудом — труд о Борисе и Глебе, то мы сполна приведем все, что нам известно о жизни и литературной деятельности Нестора, не только из его сочинений, но и из литературных данных, относящихся в широком смысле к его эпохе (XI — XII вв.).

Но как ни скудны эти сведения о жизни и литературных трудах Нестора, они все же могут нам дать, сопоставленные с рядом наблюдений над внутренней историей Печерского монастыря, над церковно-политическими собы-

тиями той поры и над литературными памятниками того времени, довольно надежные точки опоры для попытки не только представить себе жизнь и деятельность Нестора, но и оценить его в общественном и литературном отношениях его времени.

Конечно, мы не знаем жизни Нестора до вступления его в Киево-печерский монастырь, т.-е. не можем ответить, откуда он родом, из какого слоя общества он вышел, что его привело в обитель; но кое-что здесь все же предположить возможно. В самом деле, в „Житии Феодосия“ Нестор, подчеркивая для читателя, что преемники и ученики Феодосия „доньне“ ведут жизнь обители по уставу студийского монастыря, введенному в Печерском монастыре самим учителем, — так описывает главную черту этого устава в отношении приема новых братьев: конечно, принимаются все приходящие, не взирая на их убогость или богатство, но не все постригаются сразу; вновь пришедшим игумен повелевает сначала ходить в своем мирском платье, пока тот не выучивал весь „устрой“ монастырский; только тогда разрешалось одеть монастырское платье и начиналось испытание пришедшего во всех „службах“ монастыря; удовлетворив этому испытанию, пришлец получал пострижение и облачение в „манатью“; однако, этим еще не заканчивалось вступление, потому

что последнею ступенью его считалось „прятие“ святой схимы, на которое новый брат „сподоблялся“ игуменом только тогда, когда не оставалось сомнения в том, что он — чернец, искусный житьем чистым.

Если мы к этому припомним, что Нестор так описывает свое прохождение вступительной лестницы в монастырь при игумене Стефане: 1) был принят; 2) пострижен и 3) сподоблен мнишеской одежды, — то мы, сопоставляя искус Нестора со ступенями обычного искуса, описанного выше, должны будем признать, что под мнишеской одеждой, закончившей искус Нестора, он понимает „святую скиму“, т.-е. последнюю ступень вхождения в монастырь нового брата. В этом нас подкрепляет и то наблюдение, что при описании действия устава Нестор о простой монашеской одежде не употребляет выражения „сподобиться“, относя его именно к принятию схимы; да и по порядку устава та одежда предваряла пострижение, а не последовала ему.

Иною речью Нестор сообщает нам про себя, что для него вступление в число братьев монастыря, т.-е. прохождение всех ступеней испытания вплоть до принятия схимы, почему-то ограничилось рамками краткого промежутка времени, и он еще при том же игумене, всего четыре года пробывшем на игуменском кресле,

успел получить даже сан диакона. Сам Нестор счел нужным и уместным пояснить читателю, почему это так случилось, и он скоро оказался в диаконском сане: конечно, не из-за своих достоинств, нет; он—грубый и невежественный человек, от юности своей наполненный множеством грехов; игумен поступил так „божиею волею и по любви“. Что же хотел сказать этим Нестор? Заметим прежде всего, что Нестор писал все это для своих монастырских собратьев, живо помнивших время игуменства Стефана, от которого прошло едва ли полных десять лет, и хотя говорит о действиях игумена, братию из монастыря изгнанного, но им, Нестором, высоко-чтимого и смело, в укор изгнавшим, восхваляемого особенно за соблюдение традиций Феодосия и твердого сохранения им введенного устава. Значит, любовь к себе этого игумена Нестор не считает личным пристрастием, что принижало бы образ этого ученика и преемника Феодосия, а всем понятною и бесспорною чертою характера, отвечавшею действительному положению дела. В „Житии Феодосия“ Нестор не раз упоминает о Стефане и сообщает нам, что выдвинуло его из среды монастырской братии. Феодосий обычно поучал братию „духовными словами“, обращаясь к старейшему брату обители Никону за поучением братии „из книг“. Когда Никон, по осо-

бым условиям тогдашней политической жизни, бывал вынуждаем удаляться из монастыря и скрываться в далекой Тмуторокани, Феодосий поручал поучение братии „из книг“ будущему своему преемнику — Стефану, как самому ученому из братии. Зная это, мы можем смело догадываться, о какой любви к себе игумена говорит Нестор. Это была любовь и уважение игумена к учености Нестора, за какую в свое время Феодосий выдвинул Стефана.

Прибавим к этому, что, вспоминая о своей греховности от юности (этою греховностью пренебрег игумен Стефан, возвышая Нестора), конечно, Нестор хочет дать нам знать, что его юность к этому времени была уже в прошлом.

Все изложенное, действительно, делает понятным быстрое прохождение Нестором всех испытаний вступления в число братьев Печерской обители: в его лице игумен Стефан встретил не метущуюся юность и не наличие одной сердечной простоты или не взвешенного порыва; в монастырь вступал не молодой и образованный человек, понять мотивы ухода из мира которого можно было легко и на решение которого можно было смело положиться; к тому же вступающему, как всякому образованному человеку той поры, конечно, уже были известны и весь строй монастыря и все монастырские „службы“; наконец, в его лице игумен и братия приветствовали и

„любили“ принесенное им образование и литературный талант.

Если то обстоятельство, что Нестор вступил в монастырь уже образованным и немолодым человеком, с одной стороны, вызывает в нас обостренное сожаление о том, что мы ничего не знаем о жизни его до монастыря и только можем гадать, из какой среды он вышел, где получил образование, чем занимался в миру и что повело его к решению удалиться из мира, то, с другой стороны, мы в праве заключить, что Нестор, удаляясь из мира, сознательно и взвешенно остановился в выборе места своих монашеских подвигов из всего обилия и разнообразия монастырей, тогда существовавших в Киеве, именно на Печерском, чтобы в нем вложить свой труд в общий труд феодосьева стада, уже достаточно славного и определенно себя заявившего пред лицом политической и церковной власти, как и пред широким лицом тогдашней русской общественности.

III

История Печерского монастыря до времени вступления Нестора.

Ко времени вступления Нестора в число братьев Киево-печерского монастыря, последний уже пережил героическое время своего

возникновения и устройства, представляя собою к моменту смерти своего знаменитого игумена Феодосия бесспорно во многих отношениях исключительное явление тогдашней русской жизни.

Из всех русских монастырей того времени Печерский монастырь выделялся прежде всего обширностью монашеского стада: число братии доходило до 100 человек, что представлялось редким исключением и в самой Византии; во внутреннем своем управлении монастырь руководился давно забытым в Византии, строгим общинножитным уставом, розысканным в константинопольских архивах по поручению игумена Феодосия и оживленным вдохновенною аскетическою практикою и примером самого игумена, — и ряд русских монастырей уже перенял и ввел у себя этот студийский устав; в стенах Печерского монастыря создалось гнездо кандидатов на епископские кафедры, — и уже ряд братьев с честью занимал эти кафедры; наконец, монастырь не раз подымал свой голос в оценке политических событий той поры, — и к голосу этому всякий раз принуждены были прислушиваться и так или иначе с ним считаться княжеские и боярские круги и особенно киевские политические владельцы. К этому следует добавить, что возникший по почину неимущих или, как образно говорила об этом ранняя

запись по истории монастыря, не золотом и серебром, а слезами, трудом и пощеньем основателей, Печерская обитель, несмотря на свое независимое в отношении князей киевских положение, материально процвела настолько, что не только могла содержать огромную монастырскую семью и воздвигать богатейшие по тем временам постройки, но и широко поставила дело благотворения, создав едва ли не первую богадельню для нищих и посылая каждый праздник воз хлебов по тюрьмам и местам заключения (иже в темницах и во узах сущим). Иною речью, вся совокупность монастырской работы: и в стенах обители — в высоких аскетических подвигах иноков, и вне стен монастыря — в служении широким церковно-политическим целям, — будила живой отклик в правящих и имущих кругах, приходивших монастырю на помощь освобождением от материальных забот и нужд, и окружавших монастырь общим почетом и славой.

Представить себе со всею отчетливостью историю возникновения Киево-печерского монастыря, привлекая для этого, во-первых, несторово „Житие Феодосия“, где этой теме уделено не мало внимания и места, и, во-вторых, „Повесть временных лет“, хранящую в своем составе весьма древние записи раннейшей истории монастыря, можно при одном условии, несправедливо вообще забываемом по отношению ко всем

произведениям древней русской литературы: необходимо помнить, что и Нестор в своем „Житии Феодосия“ и ранняя запись монастырской истории, читаемая в „Повести времени лет“, не могли излагать дела с полной свободой, а вынуждены были считаться с внешними требованиями времени, на многое налагавшими печать невольного умолчания.

В 1037 г., в княжение Ярослава Мудрого, в Киеве впервые появился „русский митрополит“ из Константинополя в лице грека Феопемпта. Не касаясь любопытного, но сложного вопроса о том, как управлялась русская церковь до этого года, обратим внимание, что теперь Русская земля стала единою митрополиею Константинопольского патриархата. С точки зрения империи Второго Рима, как любили себя называть византийцы, церковь и царство находились во взаимном и тесном союзе, возглавляемом божественным самодержцем, главою и церкви, и царства. Цель союза — построение единого божьего дома, т.-е. единого, вселенского православного государства. Поэтому каждый покоренный Империей народ непременно принимал православие, равно как каждый вновь крещенный народ должен был войти в состав политического тела Второго Рима. Легко понять, что в конечном итоге это воззрение вело к утрате для всякого крещенного или покоренного народа

~~_____~~²
68 461

своей политической и национальной независимости, к полному огречиванию „варваров“. Как митрополия патриархата, Русская земля рассматривалась, при совпадении церковного управления с административным делением Империи, как некоторого рода округ, — в отличие от по-длинно-византийского, возглавляемого одним административным лицом, — разбитый в политическом владении нескольких князей и даже фамилий (напр., полоцкий княжеский дом, отличный от Рюрикова) и представляемый пред лицом Империи политическим владельцам Киева не столько по силе или широте власти, сколько по факту пребывания в Киеве митрополии.

Очевидно, не так прямолинейно для своей политической независимости и для национального развития Русской земли понял эту церковно-политическую вселенскую теорию Ярослав, когда предпринял в связи с утверждением митрополии в Киеве большие постройки и перестройки, переносившие на Днепр по крайней мере по имени все главнейшие красоты Царьграда. Вот как записала это летопись: „Ярослав заложил великий город (т.-е. новый обширный кремль) и у этого города — Золотые Ворота; заложил он и церковь, св. Софью, митрополью; после этого были построены: церковь св. Благовещения Богородицы на Золотых Воротах, монастырь св. Георгия (в честь ангела Ярослава) и св. Ирины

(ангел жены Ярослава)". Но действительность церковно-политической зависимости от Византии оказалась безжалостной к ожиданиям Ярослава. В короткое время 1037—1043 г. г. между Киевом и Царьградом произошел не только разрыв, но начались и военные действия. Русский поход под стены Константинополя оказался неудачным. Упоминая о нем, руководитель тогдашней внешней политики Империи, Михаил Пселл, иронически назвал этот поход войною варваров против греческой „игемонии“. Разрыв и неопределенность отношений продолжались до 1051 г., когда Ярослав решился на смелый шаг: собором русских епископов в Киеве был избран на кафедру митрополии один из пресвитеров загородного дворца Ярослава под Киевом, Илларион, человек весьма образованный и тайный аскет. По-видимому, эта решимость Ярослава оказала на Византию большее давление, чем военные действия. Было выработано какое-то соглашение, по которому Ярослав безусловно удалял с кафедры Иллариона и принимал вновь митрополита из рук императора, а греки, может быть в чем и уступив из прежних претензий 1037 г., загладили прошлое браком третьего сына Ярослава — Всеволода — с дочерью императора из дома Мономахов (в 1052 г.).

В разгар этих событий зарождается жизнь будущего Киево-печерского монастыря. Перво-

начальная запись его истории, читаемая в „Повести временных лет“ под 1051 г., подчеркивала то обстоятельство, что возникновение монастыря связано с поставлением первого русского человека на кафедру митрополии. Основоположник монастырской жизни Антоний, по бедности не принятый ни одним киевским монастырем, поселился под Киевом в той самой подземной пещерке, в которую любил уединяться для молитвы втайне пресвитер дворцовой церкви Илларион, и которая таким образом только немного дней пустовала по поставлению Иллариона в митрополиты. Очень скоро в пещере у Антония появляются сожители и соподвижники: „великий Никон“, имевший сан пресвитера, позднее — молодой Феодосий. Любопытно, что между этим праведным небом сиявшими на нем тремя светилами, разгоняющими бесовскую тьму, как выражается о пещере Нестор в „Житии Феодосия“, и двором князя киевского (сначала Ярослава, потом его старшего сына Изяслава) сразу установилась какая-то связь и приязнь. Она видна, например, в том, что, когда мать Феодосия, узнав о непреклонном решении сына не выходить из антониевой пещерки, сама решила уйти из мира, Антоний об этом „возвещает“ княгине, которая охотно „впускает“ просительницу в свой женский монастырь св. Николая; она видна и в том, что

довольно скоро (в конце 1060 г. и в начале 1061 г.) в число братьев пещеры вступили еще два новых брата, и оба — из самых близких ко князю кругов: один, Варлаам, — сын первого боярина тогда княжившего в Киеве Изяслава Ярославича, другой, Ефрем, — важный сановник того же Изяслава; наконец, она видна и в том, что князь Ярослав подарил землю пещерки первым ее поселенцам, князь же Изяслав по просьбе Антония дарит гору над пещерой, куда позднее выносят монастырь, и, наконец, князь Святослав, захвативший престол Изяслава, дарит монастырю новый кусок земли для расширения построек и для построения знаменитой размерами и богатством каменной церкви монастыря.

Ранняя эта связь пещерки и княжеского двора не может быть возведена ни к Антонию, ни к Феодосию, что ясно из сохранившихся сведений об их жизни до прихода в Киев и до поселения в пещере, и, следовательно, должна быть отнесенной к третьей звезде Печерской обители — „великому Никону“. Мы знаем о Никоне только, как о деятеле первоначальной истории монастыря, но сведения эти рисуют его нам человеком ученым и единственным лицом, которое могло вдохновить обитателей пещерки на создание из нее монастыря с введением строгого общинножитного устава, которого в практике не было ни у нас, ни в Византии, и о котором

можно было узнать лишь литературным путем, и чрез создание в монастыре возможности получения в его стенах богословского и канонического знания — устройства школы будущих русских епископов. Сопоставляя эту широту замысла и общерусские его горизонты, наконец, потребную для того образованность с давнею связью Никона с княжим двором Ярослава, а потом и его сыновей, — мы в праве подозревать, что под именем Никона в пещерке скрывалось какое-то крупное лицо двора Ярослава, равно как и думать, что не только монашеская скромность Никона, тогда игумена, наложила печать молчания на Нестора, вводящего в „Житии Феодосия“ Никона (с титулом „великий“) в рассказ прямо, как живущего с Антонием пресвитера, постригающего Феодосия, как третье солнце праведного неба пещерки, без упоминания об его жизни и деятельности до поселения с Антонием. Эти соображения с рядом последующих наблюдений наводят на мысль, что под именем „великого Никона“ в своей былой пещерке скрывался удаленный по требованию греков неудачливый первый русский митрополит Киева — Илларион. Вероятно, еще в пору своего пребывания на кафедре, Илларион направил в свою покинутую пещеру Антония, до того перебывавшего во всех киевских монастырях и за бедностью не принятого ни одним, а по удале-

нию с кафедры, приняв схиму и став опять пресвитером с именем теперь Никона, вернулся сам в эту пещеру, чтобы укрыться от греческого взора нового киевского митрополита до лучших времен и обстоятельств. Но в ходе тогдашних церковно-политических дел, Никону, очевидно, суждено было долго укрываться в пещере, за городом и в лесу, потому что, когда он уже в 1060—1061 г., т.-е. почти чрез десять лет, постриг двух киевских вельмож (Варлаама и Ефрема), вероятно, мечтая о возможности получить от митрополии разрешение на устройство монастыря, митрополичья кафедра иначе посмотрела на дело и, повидимому, требовала от князя „раскопанья“ этого тайного монастырька в пещере, существующего без ведома епархиальной власти. Удар был смягчен заступлением князя Изяслава, и были поставлены условия, которые пещерники обсуждали три дня, потому что главным условием на разрешение монастыря митрополичья кафедра ставила — удаление Никона из Киева. Предложение было в конце концов принято. Никон удаляется в Тмуторокань; монастырь получает права на существование, несомненно усвоенные официально за Антонием, признанного ктитором новой обители. Новый ктитор не пожелал остаться без Никона среди братии: он, по праву ктитора, назначает игуменом брата Варлаама, а сам удаляется на

соседнюю гору, где вселяется в новую пещеру, выкопанную на княжой земле и, следовательно, с разрешения князя. При этом переустройстве молодой брат Феодосий поставляется пресвитером нового монастыря.

Официально разрешенный и признанный, монастырь не имел оснований укрываться под землею: он был теперь „явлен“ всем и мог жить, открыто принимая новых братьев. Игумен Варлаам так и поступает: с разрешения ктитора, получившего от князя всю гору над пещерой, Варлаам строит на этой горе маленькую церковь, предполагая за нею „возградить“ и кельи. Но тут последовал неожиданный для монастыря удар: князь Изяслав, так много помогший в сношениях с митрополней и охотно дававший землю под монастырь, теперь „вывел“ игумена Варлаама на игуменство в свой княжой Дмитровский монастырь. Братия опасалась, что под этим скрывалось желание Изяслава сделать свой монастырь „вышним“ против Печерского, т.-е. там создать школу кандидатов на епископские кафедры, о которой уже стал мечтать Печерский монастырь. Но, однако, опасения скоро рассеялись. Князь не переменился к монастырю: он охотно подарил новой земли для построения обширного монастыря, потому что при игумене Феодосии, назначенном Антонием на место Варлаама, в первый же год, число братии

достигло еще не виданной на Руси цифры — 100. Оказываются и средства: и на постройки, и на содержание столь обширного братства. Наконец, к этому времени монастырь смог получить перевод студийского устава, для чего в Константинополь на архивные поиски был еще ранее послан брат Ефрем. Игумен Феодосий с согласия всей братии проводит этот устав в жизнь.

Введение забытого в самой Византии строго общинно-житного устава, оживленное личным высоким примером игумена Феодосия, создало из Киево-печерского монастыря живой укор для греческой митрополии, не сумевшей и не подумавшей взять в свои руки возрождения монашества, тогда сильно упавшего в Греции и в этом именно упадочном виде насажденного у нас на Руси. Русская митрополия оказывалась не варварским стадом, пригодным только к управлению, а живым и деятельным народом, способным самостоятельно идти впереди своих претенциозных опекунов. И укор этот скоро разрастается в общерусское событие, потому что бояре и князья, как ктиторы большинства тогдашних русских монастырей, стали проводить монастырскую реформу по примеру Печерского и в своих монастырях, с тем вместе высоко подымая и разнося авторитет инициатора по всему лицу Русской земли.

Вероятно, в зависимости от смены митрополитов в Киеве, явилась возможность Никою

вернуться в Печерский монастырь из Тмуторокани, где Никон за эти годы создал свой монастырь, ставший теперь „прикладом“ Печерскому. На этом возвращении Никона (июль—август 1068 г.) настоял игумен Феодосий, очевидно, сумевший выхлопотать это право. Когда Никон прибыл теперь в монастырь, он увидел уже не скромную пещеру, а выросший над пещеркой за эти годы (1062—1068) огромный монастырь с обширными постройками, службами, богадельней; обеспеченный значительными вкладами почитателей; с живою и строгою практикою общинно-житного устава; окруженный общим уважением и почетом.

Возвращение Никона в Киево-печерский монастырь упало на тяжелое для Киева время крыло которого коснулось и монастыря. В этот же год, почти через месяц по возвращении Никона, разыгрались политические события, на которые впервые откликнулся монастырь, за что в следующем году испытал на себе первую грозу княжеского гнева.

В 1068 году, в связи с неудачею обороны границы от степняков и нанесенным ими страшным разорением окраин, киевляне изгнали князя Изяслава и решили на стол посадить князя другой даже династии—полоцкого Всеслава, который уже целый год томился в тюрьме, захваченный вероломно, нарушением крестоцелова-

ния, братьями-союзниками, тремя ярославичами. Когда Изяслав с польскою помощью вернул себе Киев, а Всеслав бежал в свой родной Полоцк, гнев вернувшегося князя обрушился на всех виновников его изгнания и сторонников Всеслава. В числе последних оказался ктитор Печерского монастыря Антоний. Мы не можем яснее себе представить это первое политическое выступление из стен Печерского монастыря в междукняжеских которах, как личное возмущение Антония нарушением крестоцелования, сказавшееся в толковании им освобождения киевлянами Всеслава из поруба, совпавшего со днем Воздвижения Креста, как наказание божие клятвopреступнику Изяславу и награждение пострадавшего. По крайней мере, мы знаем, что беда грозила от Изяслава одному только Антонию, которому спасло жизнь лишь вмешательство князя Святослава, ночью тайно похитившего Антония в свой Чернигов. Впрочем, монастырь сумел скоро устроить примирение, и Антоний вернулся в Киев когда-то до 1072 в.

Гораздо серьезнее оказалась попытка второго выступления монастыря в княжеских которах 1072 и следующих годов, как по своим последствиям, так и по остроте и глубине поставленной монастырем темы.

В 1072 г. Святослав черниговский и Всеволод переяславский изгнали из Киева брата Изяслава.

Этим событием распалась та политическая организация княжеского братского триумvirата в управлении Русской землей, которая возникла сразу по смерти Ярослава и держалась по его завещанию. Пред русским обществом встала трудная задача изживания узко-семейных счетов и борьбы князей для сохранения политической силы только теоретически существующей единою Русской земли. Печерский монастырь открыто выступил с резким порицанием поступка братьев-победителей. Игумен Феодосий отказался явиться на торжественный пир по случаю вступления нового киевского князя, а когда Святослав окончательно укрепился в Киеве, искусной игрой лишив Изяслава всяких надежд на возвращение с иностранной подмогой, монастырь вновь и вновь стал выступать с протестами, в которых не только осуждал захват престола у брата, но и выдвигал программу междукняжеских отношений, способную примирить семейные счета князей с политическим единством и силой Русской земли.

На этой программе нам стоит остановиться, потому что, выработанная по поводу события 1072 г., она стала той идеальной нормою, тою политической мечтою, которая, раз овладев умами общества, всегда отражалась в оценке всех последующих фаз междукняжеских отношений и ссор, какую мы имеем в произведениях нашей древней

литературы, закрыв, к сожалению, во многом действительное существо княжеских воззрений на свои взаимные отношения и счета.

Монастырь выступал во имя интересов Русской земли, реально, как единый политический организм, еще не существовавшей, но существовавшей, как единое церковное объединение, как русская митрополия Константинопольского патриархата. Поскольку во главе этой митрополии стоял единый митрополит, власть которого — в противоположность княжеской — была властью обще-русскою, постольку для противовеса этой власти и ограничения всяких посягательств Византии, могущей играть на между-княжеской розни, должен существовать „старейший“ князь, как политический представитель и глава Русской земли, что естественнее всего связать с князем киевским. Как митрополит правит Русскою митрополиею чрез епископов, будучи и сам в этом смысле одним из епархиальных (киевским) архиереев, так и старейший киевский князь в остальных волостях правит чрез местных князей. В отношениях архиереев между собою лежат два основных требования, точное соблюдение которых спасает митрополию от замешательств, — не преступать предела чужой епископии и покоряться митрополиту, как отцу. Этими нормами определяться должны и между-княжеские отношения во имя спасения

и мира в Русской земле: в отца место надлежит русским князьям чтить князя киевского, братски храня между собою пределы чужих волостей. Так на сложный конфликт в доме Игоря семейного начала с государственным монастырь, как панацею, набрасывал схему церковно-иерархических отношений, надуманную и потому непригодную для руководства подлинной жизнью.

Бесплодно гадать, кому и в какой мере принадлежала выработка этой программы; важно то, что она имела решительный, так сказать теоретический, успех в кругах наших книжников и крепко здесь упрочилась. Впервые ее изложил игумен Феодосий в своем письменном обличении Святослава, „яко неправедно сотворивша, не по закону съдша на столѣ, яко отца си, брата старѣйшаго прогнаша“. Феодосий подкрепил обличение запрещением поминать имя Святослава на монастырских службах, как чрез закон седшего на столе, и в монастыре по-старому поминали изгнанного Изяслава, „яко столного князя и старѣйшину всѣхъ“.

Конечно, Святослав от этого не уступил престола Изяславу, а, потеряв терпение, готов был принять какие-то решительные меры против монастыря, начиная с заточения игумена. Вельможи и испуганная часть братии стали молить Феодосия об уступках. И состоялось при-

мирение монастыря с фактом признания чрез закон севшего князя, хотя игумен все же попрежнему приказывал на монастырских службах возносить имя князя Изяслава, упоминая теперь также и имя Святослава, но на втором месте. Однако, не вся братия оказалась единомышленной с игуменом. Великий Никон с двумя братьями не пошел на это примирение, предпочтя удалиться из монастыря и киевского княжества опять в далекий Тмуторокань, где Никон поселился в своем прежнем монастыре.

Обрадованный Святослав дает возможность игумену Феодосию приступить к осуществлению давней мысли о построении „великой“ каменной монастырской церкви: князь дарит монастырю близлежащее княжое поле, нужное для этого расширения монастыря, и сам первый начинает копать ров для фундамента будущей церкви. Через год после заложения этой церкви игумен Феодосий скончался (3 мая 1074 г.).

Феодосий оставлял после себя игуменство в монастыре, как трудное и весьма сложное наследство, так как за короткое время своей игуменской работы он далеко не успел закончить устройство своего монастыря; даже прочно заложить фундамент внутреннего и внешнего положения монастыря, хотя это и составляло предмет его неослабных дум и забот. Разумеется, не завершение постройки каменного храма, что

легко и скоро осуществил его преемник, а, конечно, неоформленность внешнего положения монастыря пред митрополичьей кафедрой, что постоянно грозило самому существованию монастыря, и что вызывало внутри его, среди братии, вместе с чувством тревоги и неудовлетворенности, и внутренние трения.

Как уже было сказано выше, сила и смысл Киево-печерского монастыря основывались на его значении, как духовного центра и руководителя того обще-русского или антигреческого направления, которое боролось с прямолинейным приложением к нам всех последствий политической теории Второго Рима. Сохранить в этом смысле монастырь и на будущее время было возможно, разумеется, только в том случае, если бы монастырь имел независимое от епархиальной власти митрополита положение. Когда в свое время митрополичья кафедра потребовала прекращения пещерного тайного монастырька, прятавшегося в лесу, за городом, и даже под землею, то после переговоров дело закончилось официальным признанием монастыря за Антонием, как его ктиторм. В Византии существовал класс так называемых независимых монастырей (*autodespota*) в отношении власти епархиальной, возникавших или силою царского распоряжения или по завещанию своих ктиторов. Имеем полное основание полагать, что Антоний, сконча-

вщийся почти годом ранее игумена Феодосия (7 мая 1073 г.), почему-то не сделал такого завещания, что, строго говоря, вело монастырь к полной зависимости от местной архиерейской (в данном случае — митрополичьей) власти. Но Феодосий с этим примириться не хотел и искал выхода по другому пути: обеспечение независимости монастыря актом княжеского распоряжения, приравнивая таковой к силе императорских распоряжений. И в „Повести вр. лет“ мы находим в описании смерти Феодосия (под 1074 г.) упоминание о том, что этот вопрос неотступно преподносился умирающему игумену и вызвал попытку с его стороны добиться от князя обещания в этом смысле. „Когда наступил уже шестой день его болезни, и болен он был уже тяжко, пришел к нему князь Святослав с сыном Глебом. И когда сидели князья у Феодосия, сказал им Феодосий: вот ухожу я с этого света и передаю, князь, тебе под охрану монастырь, если будет с ним какое-нибудь замешательство; игуменство свое передаю я Стефану, ты не давай его в обиду. Святослав поцеловал Феодосия, дал ему обещание заботиться о монастыре и покинул его“. Можно не сомневаться в том, что и при жизни своей Феодосий думал, хлопотал и просил о том же Святослава, но ничего не достиг, потому, конечно, что киевский князь, весьма, как мы знаем, благосклонно относившийся к монастырю

после примирения, ничего не мог сделать здесь без митрополита. Митрополита же не было в Киеве за время княжения Святослава, т. к. Святослав находился в разрыве церковно-политических отношений с Византией, доходившем до отъезда митрополита из Киева и временного перенесения „русской митрополии“ в Переяславль, где княжил брат Святослава Всеволод, сохранивший и церковно-политический союз, и тесные связи с императорским двором. В словах умирающего Феодосия князю нужно поэтому лишь видеть напоминание прежних просьб о заступничестве пред возможными притязаниями вернувшейся в Киев митрополичьей кафедры, свидетельствующее о серьезных беспокойствах умиравшего игумена насчет этих притязаний.

Что касается трений внутри монастыря, среди братии, то, по разыгравшимся по смерти Феодосия событиям внутренней жизни монастыря, частью и по столкновению братии с умирающим игуменом в вопросе о преемнике, имеем основание думать, что уже в игуменство Феодосия в монастыре наметились две партии, между собою боровшиеся, но открыто не сталкивавшиеся, примиряемые и скрепляемые, как обручом, одним авторитетом игумена Феодосия, безусловным для обеих сторон. Если мы вспомним историю возникновения монастыря, нам будет ясна история образования этих партий.

Монастырь стал сразу же складываться из двух элементов. Во-первых, это были бедняки, не могущие сделать никакого вклада и не приносившие с собою в монастырь ничего, кроме страстного порыва к аскетическим подвигам; таковым был и первый ктитор монастыря Антоний, по бедности не нашедший нигде приюта, и только Феодосий, также неимущий, представлял из этих братьев резкое исключение. Эту традицию приема в монастырь неимущих, как мы знаем, Феодосий свято охранял, как охраняли и последующие за ним игумены, и она привела к тому, что среди братии само-собою сложилась, как партия, группа страстных и суровых аскетов; в большинстве случаев простецов, без образования и широкого церковно-политического горизонта. Они ценили и преклонялись пред высотой личных подвигов игумена Феодосия и его строгим выполнением сурового общинно-житного устава, но они были беспокойны и неудовлетворены положением обители пред митрополией, спорным и неустойчивым, как и политическими выступлениями монастыря, подобными выступлению 1072 г., вносившими в монастырь политические страсти и вовлекавшими монастырь в мирскую, суету политической княжеской игры.

Другую партию составляла группа тех братьев монастыря, кто или закладывали широ-

кое общерусское значение обители, как великий Никон, брат Ефрем и другие, или, по крайней мере, умели ценить и дорожить этою ролью монастыря в русской жизни. Группа эта составила из людей образованных и знатных, широко смотрящих на вещи. Кроме Никона, мы можем причислить к ней Варлаама, пред смертью завещавшего в Печерский монастырь все, что ему удалось купить из утвари и книг в Византии, куда он совершил поездку пред своей ранней смертью; брата Ефрема, ездившего в Константинополь разыскать там подлинный студийский устав для Печерской обители; затем брата Стефана, при случаях ухода Никона из монастыря, по поручению Феодосия поучавшего братию „из книг“; и, конечно, самого игумена Феодосия, как мы знаем, и введившего студийский устав, и выступавшего с княжеским обличеньем в 1072 г., и не желавшего простого для монастыря подчинения епархиальной власти митрополита; наконец, и тех уже немалочисленных братьев, которые к этому времени занимали епископские кафедры в разных волостях Русской земли. Разумеется, не все участники этой группы в равной мере потрудились над созданием и проведением в жизнь этого широкого обще-русского значения обители, но все они настолько дорожили им и понимали его, что не могли и думать об отказе от этой роли в дальней-

шем, хотя бы и во имя аскетических подвигов и внутреннего единства.

Обе группы жили без столкновений под руководством игумена Феодосия, но уже пред его смертью раскол обнаружился, и трещина определилась. Летописное повествование о кончине Феодосия рассказывает, что Феодосий предложил братии избрать самой преемника ему по игуменству, на что братия ответила предложением самому Феодосию такого преемника назвать. Феодосий назвал пресвитера Иакова. Конечно, мы вправе думать, что это был тот мних Иаков, который известен нам, как автор двух литературных произведений, до нас дошедших: „Памяти и похвалы св. Владимиру“ и „Сказания о св. Борисе и Глебе“. Но братия, узнав имя кандидата Феодосия, решительно эту кандидатуру отвергла, выдвигая то основание, что Иаков для монастыря — чужак: он с братом своим Павлом пришли в Печерский монастырь уже монахами, получив пострижение в Летском монастыре. Со своей стороны братия предложила Феодосию брата Стефана: „он вырос под твоею рукою и у тебя служил, его дай нам в игумены“. Трудно сомневаться, что здесь впервые заговорила группа ригористов и простецов. Она, конечно, понимала необходимость иметь в игуменстве ученого и образованного брата, но желала быть уве-

ренной в сохранности прежде всего аскетических традиций Феодосия и всей строгости устава. Стефан был ученый инок, но, как всегда, близкий Феодосию и в монашеском смысле росший под его рукою, прежде всего аскет, на глазах братии выполняющий суровую школу великого Феодосия. С ним можно быть уверенным в сохранении аскетических традиций и строгости устава.

IV

Жизнь и деятельность Нестора в Печерском монастыре; время его двух первых произведений.

Из вышеизложенной истории возникновения, устройства и прославления Печерского монастыря нам должно быть понятным, что могло влечь сюда Нестора, если мы оценим совокупность его литературной работы, как с точки зрения изображения им в „Житии Феодосия“ ранней истории Печерского монастыря, так и с точки зрения усвоения и продолжения им в своих трудах традиций монастыря, намеченных или указанных великими основоположниками обще-русского значения Печерской обители, часть которых еще были живы в это время

вступления в монастырь Нестора. Как человека образованного, с широким церковным и политическим горизонтом, Нестора, очевидно, манила эта обще-русская работа монастыря, будя желание приложить к ней и свой труд, и свой бесспорный литературный талант. Естественно, что Нестор, столь выделенный и обласканный игуменом Стефаном, примкнул к группе ученых и образованных братьев, а скоро, в разыгравшихся дальнейших столкновениях этой группы с группой ригористов, решительно и даже резко разошелся с этой последней, когда, опираясь на нее (не столько она сама), была поведена попытка перемены или смягчения церковно-политического положения, занимаемого до сих пор Печерским монастырем.

Короткое время игуменства Стефана, совпавшее с прохождением Нестора лестницы вступления в монастырь, ознаменовалось только окончанием чисто-внешней работы Феодосия. Стефан достроил новый монастырь, т.-е., во-первых, большую каменную церковь, заложенную Феодосием, и, во-вторых, новые кельи для братии. В эти новые кельи братия переселилась еще при Стефане, хотя освящения новой каменной церкви за это время не последовало, и для богослужений приходилось ежедневно ходить в старую деревянную церковь. Освящение новой задерживалось, вероятнее всего, тем

церковно-политическим разрывом князя Святослава с Византией, который продолжался до самой смерти Святослава и выражался, за отъездом кафедры в Переяславль, конечно, отсутствием в Киеве епископской власти.

В декабре 1076 г. князь Святослав, после неудачной операции, скончался, и на киевский стол поспешил сесть его союзник и брат Всеволод. К этому моменту нужно отнести водворение вновь в Киеве митрополичьей кафедры из Переяславля и какие-то неловкие или недальновидные шаги — нам ближе неясные — со стороны игумена Печерского монастыря Стефана, которыми он подготовил свое скорое падение. Через полгода вернулся на киевский стол Изяслав, за которого в свое время так резко выступала Печерская обитель в лице игумена Феодосия пред захватчиком Святославом, и имя которого неуклонно возносилось в монастырских службах, как старейшего князя. Отражением этой смены князей на киевском столе происходит в Печерском монастыре смена игуменов. Братия изгоняет Стефана и избирает на игуменское кресло великого Никона, старейшего брата, которого так почитал игумен Феодосий. Никон вернулся из Тмуторокани в Печерский монастырь до всех этих событий, повидимому, сряду после смерти Святослава, т.-е., еще при Всеволоде.

То обстоятельство, что игумен Стефан лишен был братией Печерского монастыря не только игуменства, но даже права пребывания в монастыре, с одной стороны, и то, с другой стороны, что он не занял игуменского кресла ни в одном из киевских монастырей, хотя, как мы знаем, за это время освобождалось не одно игуменское место, а построил себе особый монастырь на Клове, в котором пробыл до 1091 г., когда Всеволод, тогда уже киевский князь, поставил его на епископскую кафедру во Владимир, — показывает, что Стефан был извержен из монастыря не за личные промахи и упущения, а за какие-то ошибки в церковно-политическом руководстве Печерским монастырем. Иначе невозможно понять обилие средств в руках монаха общинно-житного монастыря, хотя и игумена, достаточных для устройства нового монастыря, как и, позднее, призвание на епископию. Вероятнее думать, что игумен Стефан, не учтя возможности возвращения в Киев Изяслава, сблизился со Всеволодом, оказавшимся временным политическим владельцем, и тем затруднил положение монастыря при Изяславе, что и сказалось не только в удалении Стефана из обители, но и в невозможности для него, до торжества Всеволода, продвинуться в церковно-иерархических назначениях.

Вступление Никона на смену Стефана по игуменству тогда получает полное объяснение,

потому что Никон, верный Изяславу, предпочел в свое время изгнание компромиссу с захватчиками власти Изяслава, и, при возвращении теперь Изяслава в Киев, лучше всех мог рассчитывать на благодарность и расположение князя. К величайшему сожалению и скорби Никона, ему не удалось воспользоваться в интересах монастыря всеми выгодами создавшегося положения, потому что Изяслав не долго пробыл на киевском столе: он пал на поле брани 3 октября 1078 г.; вступление же на киевское княжение опять князя Всеволода ставило Никона и Печерский монастырь в величайшее затруднение. Дело в том, что из всех трех ярославичей, с которыми приходилось дружить монастырю, Всеволод был особенно трудным князем, потому что был горячим грекофилом, что сначала объяснялось его семейными узами с императорским домом Мономахов по первой жене, потом — новыми узами с семьею императора Романа Диогена, и, наконец, в пору разрыва Святослава с Византией и изгнания митрополии из Киева, особым почтением и благодарной благосклонностью, которые не пререстанно выражал император Михаил VII Дука за твердость и верность Византии, проявленные Всеволодом, приютившим митрополию в Переяславле, за что император предлагал и новый брачный союз, несостоявшийся за раннею

смертью царственного жениха. При Всеволоде в Киеве между княжеским столом и митрополичьей кафедрой, кажется, впервые установились доброжелательные и дружественные отношения, и Печерскому монастырю, с его общерусскими традициями, с одной стороны, с неуверенным положением за внутреннее свое самоуправление пред епископскою властью митрополита — с другой стороны, трудно было рассчитывать на твердую руку здесь Всеволода. Естественно, что Всеволод, давно и привычно дружественный с Византией, по вступлении на киевский стол продолжал свою линию поведения в сношениях с императором и патриархом, мало прислушиваясь к интересам и голосу Печерского монастыря. За время княжения Всеволода в Киеве, кроме дружественных отношений с митрополией, видим непонятное и смелое вовлечение Всеволодом в свое столкновение с племянниками святославичами Империи, как места ссылки, но не видим ни в чем стремлений полегчить над Русскою землею греческую опеку. Вероятно думать, что Всеволод считал своею большою заслугою пред Русскою землею его прочные семейные связи с императорскими домами, тот весьма благожелательный и дружественный тон, с которым к нему относились из Византии, и, наконец, то признание за русским народом общего с византийцами проповедника

христианства в лице апостола Андрея, которое Всеволоду удалось вырвать из уст императора Михаила VII, когда Святослав порвал с Византией, а Всеволод остался верен ей, и которое дошло до нас в виде благодарного послания императора ко Всеволоду, где предлагался уже упомянутый нами брак для дочери Всеволода с наследником императорского трона.

Не будем удивляться тому, что время игуменства Никона, поднявшего с былою энергиею общерусскую традицию Печерского монастыря на большую высоту, в общем, прошло для монастыря и всех тревог его положения бесплодно, оставив по себе лишь литературные следы, для нас, конечно, и важные, и любопытные.

Киево-печерский монастырь при Никоне не впервые выступал на литературное поприще. Еще при игумене Феодосии зародилась литературная работа, при Никоне и двух последующих игуменах давшая замечательные всходы. От Феодосиева времени до нас, к сожалению, не дошла та „великая зѣло епистолия“, с которой Феодосий обратился к князю Святославу, обличая его „в неправедном прогнании“ брата Изяслава из Киева, и в которой Феодосий изложил эту тему со всеми подробностями своих первых по тому же поводу епистолий, как и устных своих обличений чрез вельмож, приводя исторические примеры Каина и „иных

многих древних гонителей, убийц и братоненавистников“. Не дошел до нас и летописный труд, предпринятый в это время в Печерском монастыре при участии Никона. Положив в основу работы историческую запись об учреждении в Киеве митрополии, в которой коротко и умышленно темно излагалась история создания Русской земли, ее крещение при Владимире и создание Ярославом новой эпохи русской жизни, т.-е. учреждение митрополии (так называемый Древнейший свод 1039 г.), Никон дополнил и расширил эту историческую запись, продолжив ее, вероятно, до 1074 г. Этот летописный свод (так называемый свод Никона 1074 г.) соответствовал общему направлению Киево-печерского монастыря, т.-е. не замыкался в монастырскую хронику или киевский летописец, а хотел быть летописанием Русской земли и в освещение событий вкладывал, насколько это было возможно по внешним условиям, анти-греческое направление. Мысль Никона о постоянном обще-русском летописании в Киеве Печерский монастырь впоследствии усвоил, как одну из неперемных сторон своей деятельности, принаравливая пополнения и обработку накапливаемого материала к смене на киевском столе политических владельцев, „старейших“ из всех русских князей по терминологии монастыря.

За это же время игуменства Феодосия вышли из стен Печерского монастыря еще два литературных произведения, оба связанные с именем „мниха Иакова“ — „Память и похвала св. Владимиру“ и „Сказание“ о Борисе и Глебе. Оба эти произведения не были вполне оригинальны. Первое из них положило в основу целый памятник — древнее житие князя Владимира, составленное, повидимому, до знаменитого „Слова о законе и благодати“ Иллариона и свидетельствовавшее о давнем желании, может быть связанном с устройением киевской митрополии 1037 г., канонизовать и прославить крестителя Русской земли. Переделка и пополнение этого древнего жития, теперь слитого с житием Ольги, в параллель Константину и Елене, включала, между прочим, полемическую часть, доказывающую неправильность требования для канонизации посмертных чудес. Произведение такого состава и вида свидетельствовало об отклонении митрополией ранних попыток Ярослава прославления Владимира и о возобновлении настояний из недр Печерского монастыря в пору ярославичей.

Второе, до нас сохранившееся произведение той поры, — „Сказание“ о Борисе и Глебе — представляется не в подлинном виде, а в переделке около 1115 г. Анализ „Сказания“ позволяет с большою степенью вероятия думать,

что переделка мало коснулась существа „Сказания“ мниха Иакова, но значительно его пополнила и может быть переработала во второй части, где прилагались рассказы о посмертных чудесах братьев-князей и по истории Вышегородской церкви, в которой хранились их тела. Переделка и пополнения были предприняты около 1115 г., когда по случаю столетия события (убиение было в 1015 г.) в Вышегороде происходило особенно пышное торжество, и были проникнуты явною симпатиею к Мономаху, тогда уже киевскому князю. Выделяя труд мниха Иакова, получаем основание думать, что во второй своей части он доходил до рассказа о церковном торжестве в Вышегороде в 1072 г. включительно и, следовательно, был составлен около этого года. Мних Иаков заимствовал свое „Сказание“ из летописной повести об этом событии в первой своей части, а во второй — дал переработку тех протокольных и отрывочных записей, которые вел причт вышегородской церкви о чудесах и о возведении и перестройках этой церкви. Из вышегородских записей и из летописания мы знаем, какою любовью и вниманием окружали русские люди память этих первых русских святых. Князья строили храмы в их имя, киевские князья постоянно заботились о содержании церкви в Вышегороде, соревнуя в размерах и

красоте все новых и новых перестроек этой церкви. Если князья чтили память первых русских святых устройением и украшением церквей, установлением обще-русских торжеств в Вышегороде и общерусского праздника в их честь, то Печерский монастырь откликался на этот „праздник новой, Русской земли“ построением нового сказания, посвященного их памяти и прославлению.

При игумене Никоне Печерский монастырь выступил вновь с двумя литературными произведениями, оба житийного характера, автором которых был недавно вступивший в обитель брат Нестор. На значении этих произведений в истории нашей древней литературы нам придется остановиться ниже, и здесь мы коснемся лишь той их стороны, которая связывает с ними внутреннюю историю Печерского монастыря и его обще-русскую традицию.

Первое из этих произведений — „Чтение“ о Борисе и Глебе — Нестор, по собственному заявлению в „Житии Феодосия“, написал ранее „Жития“. Датировать поэтому „Чтение“ можно частью по его данным, частью из датировки „Жития“. Последнее было написано Нестором во время игуменства Никона, т.-е. до 1088 г. Упоминание в „Чтении“ случаев смерти детских князей, противящихся старейшему, ведет к междукняжеским событиям 1078 и 1079 гг., а

упоминание случая совпадения 15 августа (праздника Успения) с воскресным днем в рассказе Нестора об одном чуде, сообщенном ему самой исцеленной, ведет или к 1081 или 1087 г. Остановливаясь на 1081 г., как вероятнейшем, имеем возможность думать, что „Чтение“ написано между 1081—1088 гг. и что за это же время, но позже „Чтения“, Нестор успел составить и „Житие Феодосия“. Задумываясь над вопросом, что могло побудить Печерский монастырь обратиться вновь к недавней теме, т.-е. опять постараться дать произведение, посвященное первым русским святым, и сопоставляя это с историей Вышегородской церкви, думаем видеть здесь желание монастыря откликнуться на подготовлявшееся церковное празднество, не состоявшееся по случайной причине. Еще князь Святослав, как киевский князь, решил, затмевая изгнанного им из Киева Изяслава, построить в Вышегороде каменную церковь на место изяславовой деревянной. Святослав умер раньше завершения задуманного дела, и продолжал его уже Всеволод, севший в 1078 г. на киевский стол. Постройка была совершенно закончена, но неожиданно, в одну ночь, обрушился верх церкви и распалась вся постройка. Вероятно, к торжеству освящения этой церкви и готовил Нестор свое „Чтение“. Как и „Сказание“ мниха Иакова, несторова

работа распадалась на две части, и относительно каждой части Нестор особо указал свои источники. Для первой части — это рассказы, которые Нестор слышал „отъ нѣкихъ христолюбцев“; для второй — личные сведения (самъ свѣды) и какой-то письменный источник, о котором сказано „(от) опаснѣ вѣдущихъ исписавы“. Из самого произведения, во второй его части, видно, что некоторые чудеса Нестор записывал именно из личных распросов исцеленных (самъ свѣды), а весь другой материал мог и должен был восходить к письменному источнику, и, конечно, таким были вышегородские записи церковного причта. По скольку эти записи велись не в целях литературной обработки, а в целях местной официальной и протокольной хроники, к ним Нестор мог приложить свой термин „опаснѣ вѣдущихъ“, в смысле точности и строгой проверенности их содержания.

Сличая первую часть „Чтения“ Нестора с соответствующею частью „Сказания“ мниха Иакова, насколько это доступно нам чрез переделку „Сказания“ в 1115 г., мы признаем, что Нестору было известно и это „Сказание“ и, вероятно, какая-то летописная работа, откуда Нестор почерпнул некоторые данные от времени Владимира. Но содержание „Чтения“ в этой части довольно резко расходится со „Ска-

занием“, и тем делает нам понятным то, что Нестор сказал о своем источнике здесь. Это был не письменный источник в существе, а какая-то устная традиция — рассказы некоторых христоролюбцев. Кто были эти христоролюбцы, которым предпочел Нестор довериться или в угоду которых он отказался от письменной традиции, возводимой, чрез „Сказание“ мниха Иакова, к древнейшей повести об убиении Бориса и Глеба и к ее летописной передаче?

Однако, едва ли здесь лежал для Нестора центр работы. Очевидно, что его нужно искать в попытке из имеющегося материала (той или другой традиции) сделать правильно составленное, в смысле внешней полноты, литературное произведение формы „Жития“, т.-е. не рассказ о „погублении“ братьев, но и рассказ об их жизни, в психологическом отношении объясняющий внутреннюю правду их безропотной смерти. Но это только с одной стороны, потому что для Нестора была здесь еще другая, важнейшая задача. Чрез новое произведение, долженствующее быть прочитанным в разных концах „Русской земли“, Нестор желал отозваться на многие вопросы и думы, занимавшие умы и волновавшие общество, т.-е. придать ему публицистический характер. Для этой цели Нестор широко воспользовался вводною частью и заключением.

Мы уже говорили о том, что князь Всеволод Ярославич в послании от императора Михаила прочитал уверение, что и в Русской земле, и в Византии проповедь христианского учения исходила от одного и того же свидетеля жизни Христа — апостола Андрея. Всеволод усвоил эту мысль и закрепил ее построением церквей во имя этого апостола (одна — в Киеве, другая — в Переяславле). Однако, мысль эта встретила возражения среди русских образованных людей той поры, и Печерский монастырь в лице Нестора выступал теперь выразителем этих возражений. В самом деле, усвоение брошенной греками мысли было чревато печальными последствиями и выводами: если апостол Андрей распространял на Руси христианство (проповедывал и крестил), то, вышло, правы греки в своем недоверии к нашей способности сохранять и оберегать православие и, следовательно, в своем требовании от нас признания над собою греческой гегемонии; ведь Русская земля впала потом опять в язычество, и только у греков Владимиру удалось найти православие и с греческой помощью ввести его вновь по Русской земле. Если Владимир был реставратором русского христианства, то его дело напрасно и сравнивать с делом Константина, действительно крестившегося из язычников, а, следовательно, напрасно и искать

для него той чести и признания, какие церковь оказала Константину.

Вот почему Нестор начинает свое произведение с той мысли, что язычество было общим явлением падшего человечества, и только милосердием Божиим, явленным чрез послание сына, началось возвращение человечества к богу. Христос проповедывал апостолам, апостолы разносили его учение народам: везде уничтожалось язычество, и торжествовало спасение рода человеческого. Русская земля, однако, оставалась по старому в прелести идольской, потому что „не слышала ни от кого проповеди о господе нашем Иисусе Христе; к нам не приходили апостолы, никто нам не проповедал слово божие“. Христос дал нам притчу о владельце винограда, призывавшего к себе работников в разное время, но одинаково всех наградившего. Эта притча относится к нам, русским. Мы призваны с последними, в поздний час. Как некогда Плакиде, за праведную и непорочную его жизнь, бог сам открылся и призвал ко крещению, так и нашему князю Владимиру, правдивому и милостивому, бог сам открылся и призвал ко крещению чрез него всю Русскую землю. Владимир крестился сам, по собственному прозрению, крестил бояр и вельмож, и все с готовностью и радостью, без всякого сопротивления, крестились по его призыву.

Этою постановкою вопроса об особой воле божией, призвавшей нас в последний час, Нестор возвращал всю силу старым традициям русской борьбы против греческой опеки и напоминал о законности вознаграждения церковным почтением великой заслуги крестителя Русской земли, так несправедливо оспариваемой и затемняемой промедлением канонизации.

В заключительной части „Чтения“, т.-е. в конце второго отдела, Нестор вернулся опять к публицистическому тону: „Видите ли, братие, как высока покорность, которую достигли святые в отношении к брату старейшему. Если бы они ему сопротивлялись, то едва ли сподобились от бога такого дара чудес. Ведь многие детские князи, не покоряясь старейшим и сопротивляясь им, ныне бывают убиваемы, но они не получают такой благодати, как эти святые... И все же мы мало имеем покорности к старейшим, то, возражая им, то коря их, чаще же всего им сопротивляясь“. Здесь ясно слышна знакомая нам из событий 1072 г. проповедь Печерского монастыря о старейшинстве киевского князя, а в намеке на убиваемых и ныне детских князей — видно указание на междукняжеские брани и смерть юных князей Бориса Вячеславича и Романа Святославича (1078 и 1079 г.г.).

По этим несторovým отступлениям в современность от темы сочинения можно вывести

заклучение, что за это время никоновского игуменства Киево-печерский монастырь стоял на строго-независимой позиции в отношении к киевскому князю Всеволоду. Защищая идею старейшинства, Нестор не защищает позиции Всеволода целиком, осуждая, повидимому, пролитие крови „детских князей“, хотя и в прикрытой форме. Что же касается идеи проповеди апостола Андрея на Руси, насаждаемой Всеволодом, то против нее Нестор выступил, как мы видели, и недвусмысленно, и смело. Не считаясь с официальным взглядом власти, монастырь продолжал проводить свою точку зрения на византийско-русские отношения, и немудрено, что произведению этому позднее, когда сын Всеволода Мономах закрепил за своим домом едва ли не всю Русскую землю, не посчастливилось; оно осталось в тени, заслоненное переработкою 1115 г. „Сказания“ мниха Иакова, вполне отвечающею интересам мономахова дома.

Другое за время игуменства Никона литературное произведение Нестора — „Житие Феодосия“ — дает нам знать, что в это время Печерский монастырь добивался и надеялся на канонизацию своего знаменитого игумена. Если мы вспомним, что каменный храм Печерского монастыря, заложенный еще самим Феодосием и достроенный игуменом Стефаном, оставался за все время игуменства Никона неосвященным

(1073 — 1088 г.г.), то мы получаем возможность думать, что в монастыре хотели тесно связать два вопроса вместе, т.-е. освящение церкви с перенесением в нее тела нового святого, чтобы сделать общее монастырское торжество, прославляя нового святого в новом храме, им заложенном. Как всякое „житие“, новый труд Нестора делился на собственно житийную часть и рассказы о посмертных чудесах святого. Из этой последней части видим, что в монастыре случаи чудотворений Феодосия по смерти записывались и представленные митрополиту давали монастырю формальное право добиваться канонизации. Повидимому, монастырь имел какие-то основания надеяться на успех этого дела пред митрополитом; почему и поручил Нестору приготовить „житие“ ожидаемого нового святого.

И в этом своем произведении Нестор не оказался замкнутым в своей теме. Он воспользовался им и для обычных в среде Печерского монастыря обще-русских размышлений, и для отклика на внутренние трения, раздирающие в то время феодосиево стадо.

Вопрос о канонизации святых в русской церкви за все время нашей церковно-политической зависимости от Константинополя, т.-е. до самой середины XV века, представлялся одним из самых больных вопросов нашего национального самосознания. Считая себя в праве

выставлять для канонизации ряд имен, русские люди получали на домогания свои неизменный отказ Империи, не смотря на соблюдение при этом русскою стороною всех формальностей и, казалось бы, удовлетворение всех требований. Так не были канонизованы наши первые мученики за веру — убитые киевлянами при Владимире-язычнике Варяг с сыном, хотя мученичество всегда в Византии сопровождалось церковным его прославлением; так не были канонизованы Ольга и Владимир, хотя равноапостольная заслуга последнего, кажется, могла бы быть признана безусловной и должно прославлена. Канонизованы были только Борис и Глеб. Мы имеем все основания полагать, что все вышеуказанные канонизации, для которых были составлены соответствующие сказания, сохранившиеся нам до известной степени в „Повести временных лет“ и в „Памяти и похвале“ мниха Иакова, были отклоняемы Византией под предлогом отсутствия чудотворений от тел этих прославляемых, тогда как в существе, конечно, здесь было национальное и политическое стремление Византии не допускать и мыслей у варваров до уравниения с самою Империей. Оскорбленное этими отказами национальное русское чувство находило себе двойное выражение: или во взволнованных откликах на это литературных памятников той поры, где вновь

и вновь обсуждался этот вопрос и перечислялись заслуги, достойные канонизации (сравн. „Слово о законе и благодати“, „Память и похвала“ мниха Иакова и, наконец „Чтение“ Нестора, как три последовательных момента обсуждения заслуг Владимира, уже после отказа в его канонизации); или в окружении единственных признанных русских святых — Бориса и Глеба — ореолом необыкновенного почитания и прославления, выходявшего далеко из рамок личного чувства того или иного киевского князя, и всегда сознательно даже по сравнительно-ничтожному поводу превращавшегося в обще-русское национальное торжество.

Не смущаясь предшествующими неудачами Русской земли пред Империей в деле исходатайствования канонизаций варягов-мучеников, Ольги и Владимира, Киево-печерский монастырь в игуменство Никона поднял вопрос о канонизации Феодосия. Жизнь и деятельность игумена Феодосия, протекавшая на глазах князей, бояр, духовенства и народа, казалось, давала к тому беспорное основание, равно как и общее признание святости его еще при жизни. В самом деле, жизнь Феодосия была безупречна по своей аскетической высоте с самого раннего возраста его вступления в пещерку Антония, а деятельность его, как игумена, крепко державшего строгий общинно-житный студийский

устав и успешно правившего своим огромным монашеским стадом, наконец, по личному почину насадившего этот устав в монастыре и тем двинувшего дело возрождения монашества по всему лицу Руси, равно как и воспитавшего многих епископов, вошедших на кафедру из феодосиева стада, — и с церковно-иерархической точки зрения должна была вызывать мысль об очевидной неотложности прославления. Нестор в конце „Жития“ приводит три посмертных чуда Феодосия, как последнее, формальное основание для канонизации, выдвигаемой Печерским монастырем: о боярине, избегнувшем княжого гнева; об украденном серебре и об исцеленном клирике. Все три чуда сводились к тому, что боярин, монах Печерского монастыря и клирик св. Софии, находясь в личном затруднительном положении, молились о помощи Феодосию и получили ее от него. Интересно, что с этой молитвою и верою в чудотворную силу Феодосия обращаются к недавно скончавшемуся игумену люди разных положений — боярин, монах и клирик, т.-е. уверенность в его святости и непременности его посмертных чудес выходила далеко за ограду Печерского монастыря, проникая и в среду киевского боярства и даже в среду митрополичьего окружения. Боярин, в передаче Нестора, в таких именно выражениях и молился в своем горе

игумену Феодосию: „вѣдѣ отче, яко святъ еси и се врѣмя приспѣло есть“.

Итак, готовясь к торжеству канонизации нового русского святого, очевидной и по данным об его жизни и деятельности, и по общей уверенности в том, Печерский монастырь поручил составление к тому моменту „Жития“ Феодосия брату Нестору. Выполняя поручение братии, Нестор счел уместным остановиться на обще-русском значении этого события, предносившегося Нестору, как уже осуществленное („его же день успения теперь празднуя, память (ему) творим“): „И вот, братия, вспоминая о жизни преподобного и о том, что нет составленного о нем жития, был я все время в печали и молился богу, чтобы он сподобил меня изложить все по порядку о жизни богоносного отца нашего Феодосия, чтобы и после нас будущие черноризцы прославляли божия угодника и его примером укреплялись на подобный ему подвиг. Но особенно важно, что и в нашей стране явился такой муж и божий угодник. Ведь об этом господь сказал, что многие придут от Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном; и еще: многие последние — будут первыми. Так и этот последний оказался лучше первых отцов. Удивительно, что в отеческих книгах написано: слаб будет последний род; ведь этого угодника

Христос показал в последнем этом роде, как величайшего своего деятеля и пастыря монахов“.

Но торжественное и торжествующее ожидание великого обще-русского праздника нового русского святого сменилось горьким разочарованием: канонизации Феодосия при игумене Никоне не суждено было осуществиться. Митрополия отвечала отказом, а князь Всеволод, видимо, не имел желаний настаивать пред митрополитом, далекий, как мы знаем, вообще от напряженных настроений Печерского монастыря в его отношении к митрополии и Империи.

Неудача игумена Никона в деле канонизации Феодосия была последним доказательством уже давно очевидного отсутствия былого влияния и голоса Печерского монастыря на киевского князя Всеволода, заботливо устроющего свой фамильный Выдубицкий монастырь не без желания в нем создать — в противовес Печерскому — собственный рассадник будущих русских епископов и литературную опору своей политической деятельности. Вот это принижение Печерского монастыря, против чего /ничего не достигала непримиримо-последовательная старым обще-русским традициям деятельность игумена Никона, повидимому, вызывало внутри братии недовольство, критику и осуждение своему игумену. Партия ригористов, заботы которых едва ли могли подыматься на широкие горизонты,

видела причину всех неудач в отступлении монастыря от заветов Феодосия, понимая под этим смягчение требований устава и ослабление личного примера в аскетическом подвиге, допускаемое игуменом Никоном. Повидимому, внутренние трения в монастыре достигали большой силы, если Нестор решил воспользоваться своею темою для полемики и назидания братии, непокоряющейся своему игумену.

Закончив изложение жизни Феодосия и приведя три, нам уже известных его посмертных чуда, Нестор коротко изложил игуменство Стефана в деле устройства зданий нового монастыря и довершения постройки каменной церкви, заложенной Феодосием, и затем перешел к рассказам о волнениях среди братии и гневе ее против игумена, осуждая со своей стороны все это, как победу дьявола; об изгнании Стефана и с игуменства, и из монастыря; о построении Стефаном своего особого монастыря на средства, притекавшие отовсюду, потому что духовные дети Феодосия, переданные им Стефану, не могли оставить своего духовного отца в таком посрамлении; наконец, о заключительном моменте истории монастыря: „По изгнании же Стефана бывшие тогда в монастыре монахи по общему совету поставили себе игуменом великого Никона, который пришел вновь в монастырь из своего изгнания

уже по преставлении Феодосия. И это избрание, думаю я, случилось по божьему изволению, потому что Никон — старейший из братьев, и от него преподобный Феодосий сподобился пострижения и ангельского образа. И все же много раз пытался диавол и Никону, как Стефану, причинять затруднения и возлагать на него крамолу, но не возмог. Впрочем, мы об этом достаточно говорили выше“.

Действительно, в середине „Жития“ мы находим соответствующее место. Рассказав, как строго покарал Феодосий своеволие келаря, подавшего братии чистые хлебы не в указанный день (Феодосий приказал собрать со стола эти хлебы, уже розданные братии, и бросить их в реку, чтобы братия не вкусила пищи, которая „от преслушания“), и вспомнив, что в подобных случаях Феодосий всегда приказывал „преслушанное“ или сжигать в печи или бросать в Днепр, Нестор остановился на параллельном случае из игуменства Никона: „Хотя рассказывать здесь неуместно, но предыдущее навело меня на воспоминание, и мы к подобному случаю расскажем случай подобный“. Оказывается, что на первой неделе поста, в пятницу, как уставил Феодосий, Никон приказал испечь чистые хлебы. Келарь, думая, что это ослабление устава, солгал игумену, что нет чистой муки и спек хлеб обычный. Но к обеду

кто-то прислал в монастырь воз чистых хлебов; и установление Феодосия было непоручено. Игумен не наказал братьев за преслушание келаря, как делал Феодосий, и приказал в воскресенье спечь чистые хлебы из той муки, про которую солгал ему келарь. Но сам господь устранил эту муку: когда пекли хлебы, в тесте оказалась жаба: „Пусть никто из вас не упрекает меня, что об этом вписал я здесь и прервал изложение жития, потому что для того я это вписал, чтобы вы разумели, как нельзя нам ни в чем ослушиваться начальника, зная, что если что и утаим от него, то это не будет утаено от бога, и бог сейчас же отомстит за того, кого он нам поставил, как старейшину и пастыря, чтобы все слушали его и по его повелению все делали“.

Как и в заключительной части, так и в сейчас приведенном эпизоде, Нестор не вдается в подробности и не конкретизирует вообще этих протестов против игумена, случаев ослушания или сокрытия, что может быть понято, как нежелание выставлять на показ все язвы текущей жизни в надежде на внутреннее преодоление этих трений. Но надежде этой не суждено было сбыться, и самому Нестору, как можно думать, пришлось испытать на себе отражение недовольства, копившегося среди братии против игумена Никона, в защиту которого так смело выступал Нестор.

Нестор писал свое „Житие“ в условиях, не позволяющих прибегать к вымыслам: еще много было лиц, хорошо знавших и время, и жизнь Феодосия, отстоящих от написания едва ли более десятилетия, а затем, в связи с хлопотами о канонизации „Житие“ могло быть подвергнуто церковно-иерархическому контролю и проверке с точки зрения точности изложения, прежде чем принято к церковному пользованию. Этим и нужно объяснить умышленную аккуратность Нестора в ссылках на источники своих рассказов о Феодосии и точную конкретизацию всего содержания, в противоположность первому своему произведению, где Нестор, заимствуя из житийной литературы, систематически проводил метод абстрагирования событий. Но, несмотря на эту обстановку достоверности, имеем право считать все произведение Нестора пронизанным особыми рода тенденциями, искажавшими в той или иной форме пред читателем действительный ход событий. Во-первых, на пространстве всего „Жития“ мы ни разу не встречаем упоминания о высшей церковной власти и об епископской власти митрополита. Нестор охотно рассказывает подробности истории Печерского монастыря, но он не сказал нам, когда и какой митрополит дал разрешение на устройство монастыря из пещеры, ограничиваясь фразой: „С этих пор место (пещерки)

стало всем открыто (явлено), а многим прежде оно было неизвестно". К этого рода умолчанию, т.-е. связанному с вопросом о митрополии в Киеве, мы относим отсутствие упоминания о жизни Никона до прихода его к Антонию (впрочем, умолчан и самый приход). Без этого предположения непонятно, как мог Нестор не сказать о том ни слова, так высоко почитая Никона, этого старейшего брата и игумена, этого первого пресвитера тайного еще монастыря, этого великого деятеля в создании общерусского значения монастыря, наконец, этого ученого и образованного брата.

Вторая тенденция „Жития“, не ограничиваясь фигурой умолчания, переходила в искажение фактов. Но она так глубоко затрагивала интересы всего монастыря пред лицом митрополии, что Нестор, очевидно, мог не опасаться возражений или обличений со стороны братии за эту сторону изложения.

Нам приходилось уже указать, что ход официальной истории монастыря был тот, что после обнаружения тайного монастыря митрополия, вероятно, по настоянию Изяслава, дала разрешение на явное и законное существование монастырю в лице его ктитора Антония. Антоний и выполнял свои ктиторские обязанности: ставил игуменов (Варлаам, Феодосий), хлопотал пред князем о земле для монастыря и др.

Но пред смертью (он умер 7 мая 1073 г.) Антоний не сделал должного распоряжения о дальнейшей судьбе монастыря, т.-е. не передал монастырю прав внутреннего самоуправления, и этим поставил монастырь под угрозу полноты над ним епископской (для Печерского монастыря — митрополичьей, т.-е. греческой) власти. Ни Стефану, ни Никону не удалось добиться от киевских владельцев (Всеволода, потом короткое время Изяслава, потом опять Всеволода) принятия монастыря под княжью руку, и хотя монастырь продолжал существовать автономно, изгоняя и избирая себе игуменов без стороннего вмешательства или давления, но существование это было попусшением митрополичьей кафедры или, лучше сказать, уступкою кафедры пред правящими верхами и обществом, сочувствующих монастырю, а не признанием или утверждением. Повидимому, весьма рано в монастыре была придумана видимая законность этого положения дел. Она сводилась к утверждению, что Антоний еще при своей жизни отрекся от своих прав ктитора в пользу братии монастыря, сам удалился в затвор и не выходил оттуда до самой своей смерти. Вот эту тенденцию и провел Нестор чрез изложение всей истории Печерского монастыря.

По Нестору, Антоний, получив разрешение на монастырь, поставил братии Варлаама в

игумены, а сам удалился в затвор, где и скончался, ни разу не выйдя из затвора. Варлаам поставил только церковь над пещеркой и удалился в Дмитровский монастырь на игуменство по приглашению Изяслава. Братия впервые осуществляет свои права на внутреннее управление избранием Феодосия. Антония об этом избрании только уведомляют. Этот первый избранник монастырской братии и создал собственно монастырь, потому что ему князь дал нужное место для монастырских построек, и Феодосий построил келии и церковь, оградил место и переселил сюда братию. Феодосий строил и внешне, и внутренне Печерский монастырь. Ведь в его игуменство, с согласия братии, был введен общинножитный устав. При смерти Феодосия братия вторично выбирает себе игумена, и Феодосий сам об этом напоминает братии и благословляет ее избранника Стефана. Позже братия этого игумена изгнала, считая это своим правом, и избрала себе нового игумена — Никона. И никто ведь не оспаривал такого порядка внутренней жизни монастыря.

Теперь нам будет понятно, почему Нестор к концу „Жития“ довольно внешне — бессвязно приложил рассказ и об изгнании Стефана, и о выборе Никона, в котором ничего почтенного для монастыря он не приводит. Ведь если бы

канонизация состоялась, а „Житие Феодосия“ стало бы признанным церковным сочинением, то можно было рассчитывать на косвенное оформление мысли об автономности монастыря со времени ухода Антония в затвор.

Эта тенденция Нестора легко обнаруживается из сличения его истории монастыря с более раннею записью по этой истории, которая сохранилась теперь в „Повести временных лет“, и которую Нестор не мог, разумеется, не знать. Запись эта составлялась еще в пору жизни Антония, когда никаких тревог за дальнейшую судьбу монастыря в изложенном смысле просто не подымалось. (В записи этой смерть Антония еще не упомянута, потому что Антоний еще был жив; Нестор же не говорит об этой смерти внутри истории монастыря, потому что он в начале увел Антония в затвор и поставил тем вне монастырской истории).

По этой записи, Антоний, получив разрешение на монастырь, поставил игуменом Варлаама, а сам поселился особо, но не прерывал связи с монастырем, ни своих ктиторских забот. Варлаам построил церковь над пещеркой с разрешения Антония. Когда Варлаам с братьями решили над землею поставить и келии, т.-е. построить новый монастырь, то Антоний, дав им на то свое согласие, сам хлопочет пред князем о пожертвовании монастырю всей горы

над пещеркою для этих построек. Так от Варлаама создан монастырь, сохранивший в память прошлой своей истории название Печерского. По отходе Варлаама из монастыря Антоний назначил игуменом Феодосия.

В позднейших рассказах по истории Печерского монастыря, которые также находим в „Повести временных лет“, неожиданно узнаем еще ряд дополнительных подробностей. При смерти Феодосия, оказывается, было столкновение между Феодосием, назначившим себе преемника, и братией, пожелавшей другого кандидата в игумены. Антоний не только хлопочет о монастырской земле и ставит игуменов, но он ежедневно приходит кормить затворника Исаакия, а потом, после помешательства этого затворника, ухаживает за этим беспомощно-больным братом. В это время Антоний вмешался в княжеские дела Киева, поддерживает Всеслава, вырубленного из тюрьмы киевлянами, и едва не гибнет от гнева вернувшегося Изяслава. Святослав похищает Антония к себе в Чернигов, и за это время ухаживает за больным Исаакием игумен Феодосий. Впрочем, Антоний скоро получает возможность вернуться в Киев.

V

Жизнь Нестора в Печерском монастыре;
перерыв его деятельности; время игумена
Ивана.

Смерть в 1088 г. игумена Никона открыла возможность торжества всех тех его противников, которые даже при жизни этого старейшего брата, почитавшегося Феодосием, как отец, пытались крамолить и думать о свержении с игуменского поста. Кандидатом партии недовольных оказался игумен Иван, довольно резко изменивший тактику Никона и, как ставленник ригористов, несомненно высоко поставивший требования аскетических подвигов и блюдения устава.

Торжество противников Никона не могло не коснуться его сторонников, к числу которых нужно отнести и его литературное перо — брата Нестора. К сожалению, источники наши не дают нам подробных сведений о внутренней жизни монастыря за эти годы, но сопоставление двух фактов как будто рисует нам до известной степени положение Нестора за это время.

Первый факт — составление в Печерском монастыре летописного свода (ему теперь

усвоено название Начального) около 1095 г., продолжавшего летописный труд Никона до 1093 г., т.-е. до смерти князя Всеволода. Анализ этой работы, дающий многое для суждения о деятельности нового игумена и положении Печерского монастыря, приводит к неопровержимому выводу, что автором этого свода был сам игумен Иван. Следовательно, партия ригористов выставила на игуменство человека образованного, но враждебно относившегося к непримиримой тактике игумена Никона, что свидетельствует о расколе среди группы образованных братьев, выросшем за это время. Как образованный и литературный инок, новый игумен мог расходиться с Нестором во взглядах и в оценке деятельности Никона, но он не мог, конечно, не ценить образования и литературного таланта Нестора. Это как будто позволяет думать, что Нестор, отстранившийся от деятельности нового игумена, прервавший свою литературную работу, жил в монастыре, окруженный известным уважением. Неожиданно встречаем подтверждение этой догадке в другом факте, до нас сохранившемся. В 1091 г. в монастыре вновь явилась уверенность в возможности скорой канонизации Феодосия, и было поручено соответствующее разрешение (митрополита в эту пору в Киеве за смертью Ивана II еще не было) на перенесение мощей

Феодосия в каменную церковь. Игумен Иван, тревожась мыслью о наличии и состоянии этих мощей, поручил предварительно и втайне разыскать их и подготовить к торжественному перенесению. Это деликатное поручение игумен возложил и вверил Нестору, очевидно, как лицу, на которого можно было положиться в смысле охранения памяти Феодосия и славы монастыря.

Деятельность свою новый игумен начал актом покорности и возобновления лояльности в отношении к кафедре митрополита: он не только разъединил вопрос о канонизации Феодосия от освящения великой каменной церкви, но и устроил торжественное освящение с самим митрополитом Иваном во главе. Впервые за все время существования Печерского монастыря местный епископ посетил обитель, что просто невозможно себе представить для времени Феодосия, Стефана или Никона. Повидимому, к этому резкому перелому в истории монастыря приходилось прибегнуть от сознания безвыходности положения при постоянной дружбе киевского князя с митрополитом, при растущей утрате монастырем своего бывшего влияния, при усиленных заботах Всеволода об устройении и процветании своего фамильного Выдубицкого монастыря, как соперника Печерскому (в предшествующий год Выдубицкий монастырь

освятил свою новую каменную церковь в торжественном празднике, возглавляемом тем же митрополитом).

Митрополит Иван скончался в год освящения Печерской каменной церкви. Хотя его преемник — Иван II, лицо незначительное и из простецов — только тенью промелькнул на кафедре, скончавшись чрез год (1089 — 1090), и после этой смерти кафедра пустовала вплоть до 1096 г., все же из кругов митрополии вышла решительная попытка, воспользовавшись благоприятным политическим раскладом, т.-е. равнодушием Всеволода к Печерскому монастырю, сломить бывшее обще-русское значение и традицию этого монастыря, этой непрерывной помехи в деле торжества на Руси и упрочения греческой гегемонии. Именно в эту пору появились два литературных произведения, правда, скоро отстраненных и забытых; они не сохранились до нас, но весьма полно восстанавливаются по своим отражениям в ряде памятников позднейших. Это были — „Житие Антония“ и теперь нами называемая „Корсунская легенда“.

Нам сейчас нет необходимости углубляться в вопрос реконструкции этих произведений или останавливаться на всех подробностях их содержания, потому что для нашего изложения здесь будут достаточны их общая характеристика и основа.

„Житие Антония“ представляло собою как бы ответ митрополичьей кафедры на труд Нестора о жизни Феодосия. Поскольку Нестор выдвигал Феодосия, как создателя Печерского монастыря, восхищая эту честь во многом у ктитора его Антония, постольку „Житие Антония“ восстанавливало права на это Антония, отодвигая Феодосия и перенося его заслуги на Антония. Поскольку Нестор умалчивал о митрополии и греках, во всем усматривая национальное русское дело, постольку „Житие Антония“ все в истории монастыря вело от греков или греческой помощи, совершенно забывая о русских заслугах. Повидимому, кафедра, в ответ на желание канонизации Феодосия, предлагала почтить прославлением Антония, как действительного создателя монастыря и его первого ктитора. В этом предложении для монастыря таилась большая опасность, потому что сопровождающее канонизацию „Житие Антония“, весьма произвольно и тенденциозно излагавшее всю историю монастыря, безвозвратно бы похоронило всю его обще-русскую заслугу и разбило бы его обще-русскую тенденцию.

По рассказу „Жития“ Антоний отправился в благочестивое путешествие на Афон, где принял монашество и даже сан пресвитера в каком-то афонском монастыре. По благословению игумена этого монастыря Антоний отпра-

вился на Русь насаждать истинное монашество. В Киеве Антоний поселился около 1030-х годов в пещерке, которая была ранее притоном какой-то варяжской шайки, от которой потом найден был клад серебряной награбленной посуды. Сюда к Антонию стали собираться иноки, в числе которых был будущий неудачливый митрополит из русских, Илларион, получивший от Антония пострижение. Когда в Киев прибыл первый митрополит, грек Феогност (1037 г.), Антонию удалось у одного митрополичьего клирика получить студийский устав, который Антоний и ввел в свой монастырь. Но Антонию принадлежит не только эта честь создания внутренней жизни монастыря, — он был и создателем монастыря внешнего, вплоть до заложения каменной великой церкви и келий. Правда, смерть помешала Антонию закончить построение великой церкви, но он и по смерти чудесным образом вызывал художников и мастеров из Греции, которые достроили и украсили храм.

Итак, все дело устройства Печерского монастыря — дело греческое. Учился Антоний монашеским подвигам на Афоне, устав студийского монастыря получил у митрополита, греки строили, украшали и помогали во всем монастырю.

Написанное с большим литературным талантом, насыщенное поразительными по вымыслу и чудесности рассказами, ярко-полюемически на-

строенное против латынян, иудеев и даже армян в целях возвеличения дела православия, „Житие Антония“ выделялось среди взвешенных, трезвых и терпимых к иноверцам русских произведений той поры, выдавая своего иноземного автора.

Вероятно, позднее „Жития Антония“ была составлена „Корсунская легенда“. Она не касалась прямо Печерского монастыря, повествуя о давнем времени крещения Руси Владимиром но она косвенно направлялась против монастыря, незадолго перед тем, пером Нестора, вновь оживившего это событие и оттенившего его великое национальное значение. Корсунская легенда пыталась истолковать все это событие так, чтобы навсегда снять с обсуждения общерусскую мечу о канонизации Владимира, настойчиво живущую в русских кругах и питаемую Печерским монастырем.

Корсунская легенда останавливалась на характеристике Владимира, рисуя его несатым блуда, как прельщенного женскою похотью. Его жизнь и деятельность соответствовали основной черте его характера: он шел дорогою авантюристических подвигов, как былинный молодец, добывающий и насилюющий все новых и новых девушек. Владимир обесчестил Рогнеду и бросил ее; он ходил на Корсунь, чтобы добыть дочь корсунского князя; он обесчестил

и эту девушку, передав ее в жены своего соподвижника; он из Корсуня потребовал себе сестру императоров, лживо обещая брак и свое крещение; когда царица приехала, желая обращения язычников, Владимир отказался креститься, но тут ниспосланная тяжкая ему болезнь заставила одуматься и креститься. Он смирился, женился на Анне и принял духовенство с митрополитом Михаилом из рук императоров, а, вернувшись в Киев, крестил вельмож и народ и ввел церковно-иерархическую зависимость от Империи в форме митрополии Константинопольского патриархата.

Рассказ имел очевидное желание: сознательное решение Владимира принять христианство и выполнение этого решения до корсунского похода, как и факт отсутствия у нас греческой иерархии до 1037 г., — истолковать, как случайность, вне замыслов Владимира осуществившуюся самопожертвованием царицы Анны, и связать крещение с корсунским походом и женитьбой, приведшими будто бы к установлению греческой митрополии сразу после крещения. В такой постановке дело Владимира никак не могло быть сопоставляемо с делом равноапостольного Константина.

В своем летописном своде 1095 г. игумен Иван не отвернулся совершенно от этих произведений, несмотря на их антирусское и вы-

мышленное содержание. И из „Жития Антония“, и из „Корсунской легенды“ он взял часть их содержания и приспособил заимствованное к обычному до того рассказу летописи. Что же могло побудить к этому игумена Ивана? То обстоятельство, что оба эти произведения не сохранились и скоро стали неизвестны, так что, например, в начале XIII в. епископ Симон, человек образованный и литературный, свидетельствовал, что никто не знает „Жития Антония“, и тем дает разуместь, что его экземпляр едва ли не единственно сохранившийся, — все это показывает, что среди русских людей оба произведения не имели никакого признания. И, однако, игумен Иван не отвергает их целиком. Приглядываясь к его извлечениям, мы легко уловляем их смысл и начинаем понимать его побуждения. Конечно, Антоний принес благодать с Афона на Печерский монастырь и можно соглашаться даже на греческую помощь при введении студийского устава, но если на Печерском монастыре афонская благодать, то естественно прилагать к монастырю и афонские порядки. Ведь известно, что Афон не подлежал власти константинопольского патриарха, находясь в полном распоряжении императора. Следовательно, естественно и для Печерского монастыря домогаться власти княжеской руки и независимости от митрополичьего управления.

Таким образом игумен Иван открывал для монастыря новый путь искания независимости от митрополии, поскольку, конечно, путь, предложенный Нестором в „Житии Феодосия“, т.-е. утверждение передачи автономии монастырю еще при жизни ктитора Антония, в связи с неудачею дела канонизации Феодосия, был для монастыря невозможен. Можно с уверенностью сказать, что за все время княжения Всеволода, как и в первые годы Святополка (до 1098 г.) — новый путь игумена Ивана в искании основ княжеской опеки над монастырем оставался мечтою, осуществление которой наступило скоро после смерти Ивана, при игумене Феоктисте.

Из „Корсунской легенды“ игумен Иван заимствовал многое: он перенес в своем летописном своде крещение Владимира с 986 г. на 988 г., чтобы связать поход на Корсунь с крещением; он заимствовал характеристику Владимира, как блудника, выбросив, однако, вымышленное бесчестие Владимиром дочери корсунского князя; он заимствовал и принятие Владимиром иерархии прямо после крещения из Византии в форме единой митрополии на всю Русскую землю; но он решительно изменил характер Владимира после крещения, контрастируя Владимира-язычника с Владимиром-христианином: насколько распущен и грешен был Владимир до крещения, настолько после

крещения стал он образцовым христианином, кающимся о своих языческих прегрешениях. Смысл этих заимствований был тот, что, закрывая таким изложением факт одновременности крещения Руси при Владимире с установлением на Руси греческой гегемонии лишь с 1037 г. при Ярославе Мудром, игумен Иван полагал, что этим самым снимается главное препятствие в деле канонизации Владимира, поскольку греки не могли забыть крестившемуся от них Владимиру уклонение от греческой гегемонии и установление церковно-иерархических отношений с Охридским патриархатом, тогда враждебным Империи и от нее самостоятельным.

Для характеристики внутренней жизни Печерского монастыря за это время свод игумена Ивана дает нам, если не обильный, то весьма любопытный материал. В предшествующем своде, как мы знаем, были значительные статьи, посвященные внутренней истории Печерской обители; например, под 1051 г. был помещен рассказ о возникновении монастыря, кончавшийся перечислением некоторых великих его монахов. В этом рассказе как раз и были сделаны вставки при переработке и дополнении этого свода 1074 г. игуменом Иваном. Первая из вставок обнаруживается в самом конце перечисления случаев прозорливости старца Матвея, где прибавлен, — и в лите-

ратурном отношении весьма неискусно, — следующий случай: „При этом старце Феодосий преставился, и игуменом был Стефан. А по Стефане — Никон, когда старец этот был еще жив. Однажды стоял он на утрени и поднял глаза, желая взглянуть на игумена Никона, и увидел осла, стоящего на игуменском месте, и понял, что еще не встал с постели игумен“. Другая вставка обнаруживается в небольшом житии первого русского юродивого, печерского монаха Исаакия, включенном под тем же годом. В числе его „уродств“ приведен такой случай: „Он же, не желая славы человеческой, начал уродство творить и пакостить или игумену, или братии, или мирским людям, так что некоторые наносили ему раны; потом он по миру стал ходить, также притворяясь уродом. Поселился он в пещере, в которой был и раньше, и собрал к себе юных и надел на них монашеское одеяние; за это получал он потом раны и от игумена Никона, и от родителей взятых им детей“.

Первая вставка явно должна была удовлетворить тех ригористов, которые в игуменской деятельности великого Никона, тогда уже бывшего в немолодых годах, видели только немощи плоти и потухание аскетического напряжения. Вторая отражала очевидную насмешку, жившую среди братии, недовольной Никоном, в ответ на укоризны им, что Никон — первый

пресвитер Печерского монастыря, постригавший всех великих отцов Печерской обители, — требует к себе почтения и внимания. Монастырь создали Антоний и Феодосий, а Никон не мог создать монастыря, как не может юродивый, собирающий детей и наряжающий их в монашеское платье, считаться основателем нового монастыря.

В последние годы жизни киевского князя Всеволода игумен Иван взамен прежнего равнодушия сумел добиться некоторого расположения князя к Печерскому монастырю. Это видно, во-первых, из разрешения, полученного монастырем в 1091 г., перенести мощи Феодосия в каменную церковь. На торжестве этом присутствовали четыре епископа, все киевские игумены и множество народа. Митрополичья кафедра в эту пору вдовствовала, но кто-либо из епископов должен был управлять за митрополита в это время и, следовательно, взять на себя такое разрешение монастырского торжества, что было сделано, конечно, не без согласия князя. Если кафедрой управлял старейший из епископов, то в это время таким был Ефрем переяславский, давний епископ всеволодовой волости, до того, как мы помним, подвизавшийся в Печерском монастыре. Впрочем, надо заметить, что если разрешение и было дано, князь Всеволод, как и члены его семьи, на торжестве перенесения мощей Феодосия не были; канони-

зация же Феодосия так и оставалась вопросом и после этого торжества.

Расположение Всеволода к Печерскому монастырю за самые последние годы его жизни видно, во-вторых, из весьма сочувственного отзыва о покойном уже Всеволоде, который игумен Иван поместил в своем летописном своде, и в котором старается, несмотря на большое недовольство в Киеве правлением последних лет Всеволода, оправдать князя, как в это время больного и дряхлеющего не по летам, и возложить всю вину на молодую дружину князя.

Летописный свод игумена Ивана, о котором упоминалось уже много раз выше и который был им составлен после 1093 г., может быть хорошо нами представлен себе, хотя целиком и прямо он до нас не дошел. От этой работы, по времени предшествующей „Повести временных лет“, до нас сохранились значительные куски в Новгородской 1-й летописи младшего извода (комиссионный и др. списки): во-первых, с начала этого летописного текста (начинавшегося особым предисловием) до середины 1016 г. и, во-вторых, от 1053 — 1074 гг. Сопоставляя эти сохранившиеся части с „Повестью временных лет“ за эти годы и переходя, затем, к анализу „Повести“ в тех частях ее, которые не имеют подобных параллельных частей работы игумена Ивана, мы получаем возможность судить о всем

составе этой последней и даже поставить себе задачу ее реконструкции. Не касаясь сейчас всех этих вопросов и не углубляясь в изучение труда игумена Ивана широко, мы постараемся лишь остановиться на том значении этого нового произведения Печерской обители, какое оно могло иметь для положения монастыря в первые годы княжения в Киеве Святополка Изяславовича, занявшего престол после смерти князя Всеволода, т.-е., когда этот летописный свод уже появился.

Вступление на киевский стол Святополка прежде всего надо поставить в связь с крайнею непопулярностью последних лет княжения Всеволода, лишившего тем своего старшего сына — знаменитого Владимира Мономаха — возможности наследовать отцу и, против своей воли, подготовившего торжество старшего своего племянника. Святополк явился в Киев со своею туровскою дружиной и внимательно искал бывших друзей Всеволода и его сына, к числу которых, повидимому, он отнес и игумена Ивана. Случилось это потому, что игумен Иван, заканчивавший свой летописный труд, возмущенный шероховатостями первого времени правления князя Святополка и его туровской дружины и опечаленный страшным нападением половцев, сопровождавшимся большими разорениями, смело сопоставил эти события, как в

заключительной части своего труда, так и в особом предисловии, с которым обращался к читателям. Половцы — это бато́г божий, карающий нас за грехи; всем нам надо быть лучшими христианами, а князю и дружине постоянно помнить о тех великих древних князьях и их дружине, которые завоевали и устроили русскую землю, думая о ней, а не о своей корысти.

Это резкое и прямое политическое выступление игумена Ивана, сопоставляемое с мягким отношением его к покойному Всеволоду, было истолковано Святополком, как агитация против него и в защиту прав Мономаха, и вызвало к решительным мерам: игумен Иван был арестован и сослан в Туров, наследственный город Святополка. Это время разрыва и опалы продолжалось для монастыря до 1098 г., после чего произошло разъяснение этого недоразумения и примирение, перешедшее в тесную дружбу: Святополк становится искренним почитателем обще-русской традиции монастыря, и последний, пользуясь разладом Святополка с митрополитом Николаем (1096 — 1101) и его преемником по кафедре Никифором (с 1104 г.), умело использовал это положение дел и достиг исключительных успехов.

Пожать плоды этих успехов пришлось, однако, на долю уже нового игумена Печерского монастыря Феоктиста.

VI

Жизнь и деятельность Нестора в Печерском монастыре; время и судьба его летописной работы.

„Того же (1108) лета бог вложил в сердце архимандриту игумену печерскому Феоктисту понуждать князя Святополка о вписании в синодик Феодосия, потому что так было угодно богу. Святополк рад был и обещался это сделать; и зная жизнь Феодосия, стал Святополк возвещать о жизни Феодосия и велел вписать его в синодик, что и сделал митрополит: он вписал Феодосия в синодик и повелел вписать в синодики всех епископий; все епископы с радостью вписали и теперь поминают Феодосия на всех соборных службах“ (Ипатьев. лет).

В приведенном сообщении ясно читается успех домоганий Печерской обители, знакомых нам из предыдущей истории монастыря. Прежде всего монастырь добился, хотя и не в полной форме, обще-русского торжества — канонизации Феодосия. Этим подымалось вновь значение обители в глазах всей Русской земли и этим укреплялась вся предыдущая работа монастыря. К двум русским святым присоединялось теперь имя третьего святого, и русское национальное

чувство не могло не вспоминать здесь всех трудов, преодоленных деятелями Печерской обители. Сообщение в той несколько темной форме, как оно записано или переделано, не оставляет сомнения, что только при искреннем сочувствии и большой настойчивости князя могло увенчаться задуманное дело успехом. Рад был князь, что он может помочь прославлению Феодосия, рады были епископы записать имя нового русского святого, и только с митрополитом не связано упоминание о радовании. Грек неохотно шел навстречу князя и его повелению вписать в синодики имя Феодосия.

Любопытна и другая сторона сообщения: игумен Печерский называется в нем архимандритом. При том положении монастыря пред митрополичьей кафедрой, о котором говорилось выше, нет никакой возможности усматривать в новом титуле желания митрополита почтить и выдвинуть монастырь. Следовательно, и этот титул нужно отнести к повелению князя, понимая в нем усвоение князем афонской традиции, проводимой в свое время игуменом Иваном.

Для Нестора блестящее время близости и дружбы монастыря со Святополком, когда киевский князь — по летописи — „такой имел обычай: если шел на войну или по другому делу из Киева, то поклонялся у гроба Феодосия и, взяв молитву у игумена, присутствовавшего

при этом, только тогда отправлялся в свой путь“, — было временем возвращения к литературной работе после большого и вынужденного перерыва. Святополк, сделав Печерский монастырь своим княжим монастырем, в праве был рассчитывать на поддержку себе со стороны монастыря, в частности, его литературной работы. По желанию ли князя или по почину игумена Прохора, сменившего в 1112 г. Феоктиста, в монастыре был возобновлен летописный труд, долженствующий продолжить свод игумена Ивана и пополнить его описанием княжения в Киеве Святополка. Эта работа возложена была на Нестора, имя которого теперь, в связи с канонизациею Феодосия, конечно, прославилось, как составителя „жития“ нового святого.

Когда в 1113 г. Святополк скончался, Нестор приступил к обработке своего материала и, вероятно, около 1114—1116 гг. появилась его знаменитая „Повесть временных лет“. По широте замысла и богатству материала, труд этот свидетельствует о зрелом и много размышлявшем составителе, усвоившем все обще-русские заветы великих основоположников Печерской обители, сумевшем углубить это наследие и дать ему широкую историческую перспективу. По отношению к своим предшественникам Нестор занял почетную позицию и

без труда закрыл своим произведением их раннейшие попытки. Недаром исторический вкус древности остановился на „Повести временных лет“ с таким постоянством, и все последующие летописные попытки, где бы и когда бы они ни возникали, считали своим долгом примыкать к этому обще-русскому наследству Нестора: „Повесть временных лет“ всегда переписывалась, чтобы с нее начинать даже позднейшие своды.

С особым вниманием остановился Нестор на изложении времени княжения Святополка, во многом замечательного правителя и политика начала XII в. Нам понятно желание и мысль Печерского монастыря в живом историческом очерке воздать должное тому киевскому князю, который откликнулся на обще-русские заботы и голос Печерского монастыря и едва ли не первый решительно добился пред митрополией уступок и ослабления неподвижных форм греческой игомнии. Правда, Святополку удалось немного: частичная канонизация Феодосия, признание Печерского монастыря княжим и возведение его на степень первой русской архимандритии. Можно было мечтать и надеяться на большее. Но нельзя забывать, что Святополк был не одним политическим владельцем Русской земли; он был по земельным своим владеньям даже не сильнейший. Его

опасным, сильным и богатым землями соперником, только капризом киевлян не севшим пред Святополком на Киев, и тем окончательно не отодвинувшим Святополка в ряды княжеского провинциального ничтожества, — был Владимир Мономах. По семейным традициям Мономах держался иных взглядов на русско-византийские отношения и во многом здесь, конечно, затруднял и замедлял домогания Святополка. Потеряв по смерти отца в 1093 г. надежду непосредственно сесть на киевский стол, Мономах за все время княжения Святополка вел игру против него, чтобы, скинув с киевского стола, занять его место. Эта двадцатилетняя борьба (1093 — 1113) оказалась бесплодной для Мономаха, но, после смерти Святополка, Киев оказался за ним. Вместо цветущей поры зрелой мужественности Мономах вступил в Киев на вечернем закате жизни (60 л.), хотя был физически еще бодр и княжил в Киеве двенадцать лет.

Мономах, сын Всеволода от первой жены, греческой царевны из дому Мономахов, полугрек по крови и семейным связям дома с императорскими домами Византии, был личностью замечательной по многим своим дарованиям и по значительному образованию. Он, единственный из наших князей, — писатель, не без вкуса и способности воздействовать на читателя. О нем

можно судить не только по летописным данным о его деятельности, но и по его литературным трудам, и по отзывам ближайших его современников (Василий, автор повести об ослеплении Василька, митрополит Никифор).

Единственный отпрыск, хотя и по женской линии, уже угасшего в Византии дома Мономахов, Владимир мечтал и пытался овладеть византийским престолом, и в его византийские отношения не входила мысль о поддержке общерусских забот Печерского монастыря, поскольку поддержка эта вела к осложнению его личных планов и задач. Недоверчивый к подчиненным и вообще к людям, Мономах во всем любил брать львиную долю работы на себя и был большим самовластцем, не терпящим чужих указаний, наставлений и советов, тем более, конечно, опеки. Стремясь на киевский стол, Мономах до времени не открывал себя целиком, стараясь не отпугнуть от себя или не вооружить, но когда он сел на Киев, сомкнув в своих руках давно небывалую политическую и земельную мощь, тогда он повел себя открыто, не стараясь прикрыть или ослабить впечатление. Все это не предвещало благожелательных и добрых отношений Мономаха к независимому голосу Печерского монастыря с его обще-русской заботой. И, действительно, когда Нестор закончил свой труд, и Мономах увидел в нем беспри-

страстный рассказ о себе и согретый сочувствием отзыв о своем жизненном сопернике — Святополке, выставляемом в поучение и назидаение будущим киевским владельцам, Мономах круто и резко покончил с этой затеей. „Повесть“ была изъята из Печерского монастыря и отдана для переделки в княжой фамильный монастырь — Выдубицкий, а против Печерского монастыря приняты меры воздействия. О степени последних мы можем судить по тому, что там прекращается всякая литературная работа, даже нет следов скромной монастырской хроники; наконец, прекращается обычная до того манера князей брать кандидатов на епископии из братии Феодосьева стада. Печерский монастырь надолго уходит в тень, и только раскол в семье Мономаха середины XII в. дал начало новой жизни для монастыря.

Как коснулось все это Нестора, мы не имеем данных судить; как не знаем, долго ли жил он после завершения своей „Повести временных лет“. Но вероятнее думать, что ему, пережившему блестящую эпоху укрепления положения монастыря при Святополке против возможных домоганий митрополии; видевшему великое торжество обители в деле канонизации Феодосия, с которым сплеталось его авторское удовлетворение; наконец, получившему почетную задачу увековечить в летописании и деятельность

доброжелательного к обще-русским задачам монастыря князя Святополка, и эту счастливую страницу монастырской истории, — ему пришлось пережить и время заката политической и общественной славы монастыря, принижения его церковно-иерархического значения и даже пресечения его литературной работы. Особенно горько должны были быть Нестору цензура и переделка его „Повести“ рукою игумена Выдубицкого монастыря, давно соперничавшего с Печерским и чуждого обще-русской традиции последнего.

VII

Два житийных произведения Нестора, как памятники древней русской литературы.

В предыдущем изложении (ср. гл. IV) мы останавливались на житийных произведениях Нестора не с достаточною полнотою оценки и разбора. Поставленные в перспективу событий и интересов, они оставались неоцененными, как литературные произведения. Между тем, такая литературная оценка не может быть признана излишней.

Как мы знаем, Печерский монастырь, желая откликнуться со своей стороны на ожидавшееся обще-русское церковное торжество, — освящение

вновь построенной в Вышегороде каменной церкви над мощами Бориса и Глеба, — поручил составление к этому торжеству „Жития“ первых русских святых брату обители Нестору.

Приступая к своему труду, Нестор, конечно, ознакомился с предшествующими трудами, посвященными той же теме, и мы уже указали, что в первой части своего „Чтения“ Нестор не изложил истории „погубления“ братьев по готовому и усвоенному летописному преданию (свод 1074 г.; „Сказание“ мниха Иакова), а отдал предпочтению традиции каких-то христолюбцев. Мы указали и на то, что в свое произведение — в первую часть его — Нестор вложил возражение Печерского монастыря против официально усвоенной князем Всеволодом мысли о проповеди на Руси апостола Андрея.

Обращаясь теперь к общей оценке этой первой части Несторова „Чтения“, мы прежде всего должны, конечно, остановиться на его форме. Ни одно повествование на подобную взятую Нестором тему — ни летопиская повесть, ни „Сказание“ мниха Иакова, равно как ни одно вообще агиографическое произведение той поры (о варягах-мучениках, Ольге, Владимире), насколько можем их себе представить, — не были в строгом смысле житиями. Между тем, в „Чтениях“ Нестора мы имеем именно житийную форму.

Нестор не мог располагать большим количеством данных, которые бы помогли ему построить рассказ о жизни Бориса и Глеба до 1015 г. и, располагая здесь крохами, он задался целью показать читателю психологическую правду безропотной смерти братьев. Борис умел читать, Глеб любил его слушать. Читениями их были жития и мучения святых, откуда братья почерпали страх пред суетою света и боязнь забвения в нем заповедей божьей правды. Пред глазами братьев всегда был живой пример милосердия и милостыни в лице отца. Под этими влияниями братья рано отрешаются от вкуса к радостям жизни, мечтая лишь о царствии небесном. Борис заявил об этом в отказе от брака, но уступил настоянию отца и требованиям „цесарского закона“.

Вторая отличительная черта „Чтения“ касается не формы его первой части, а самого построения или замысла. С точки зрения Нестора, жизнь человечества должна рассматриваться, как арена борьбы диавола и бога. Еще в раю Адам и Ева соблазнились хитростью диавола и были изгнаны. Размножившийся род человеческий впал по наущению диавола в идолопоклонство. Бог по милосердию своему вразумляет людей и для спасения их посылает сына. Апостолы разносят проповедь спасения и везде гибнет язычество. Только Русская

земля оставалась без просвещения проповедью спасения, потому что богу угодно было призвать нас в последний час. Ведь в притче о виноградаре, нанимающем рабочих в разное время, но награждающем всех одинаково, можно понять эту волю Божию. Этот час для нас пробил при Владимире. Ему открылась истинная вера за праведную жизнь, как некогда праведный Плакида был призван самим богом. И народ оказался достойным Божией милости, потому что крестился без сопротивления и ропота. Тогда диавол воздвигает в семье Владимира вражду. Святополк ищет убить Бориса и Глеба. Безропотная смерть братьев разрушила козни диавола и стала торжеством всей земли. Муж праведный, тихий, ходящий в Божиих заповедях, князь Ярослав был достойным орудием Божиим для попраiania Святополка, этого слуги диавола.

Эта глубокая богословско-историческая концепция занимала ум Нестора настолько, что в толковании смысла христианских имен Бориса и Глеба — Роман и Давид — он возвращается к ней два раза, с большими натяжками выискивая здесь тот же смысл борьбы и победы над диаволом.

Вторая часть „Чтения“ задумана Нестором, как особое произведение: в нем свое предисловие, свое заключение, свое указание на

источники. Мы уже указывали, что они — двух родов. Первый — протокольные и в литературном отношении беспритязательные записи причта вышегородской церкви. Нестор передает их не по заимствованию от „Сказания“, а в своей переработке. Нельзя назвать ее безупречной, поскольку попадаются следы, несглаженные и противоречивые (ср. упоминание преждедеченной клетки, о которой как раз нет ни слова прежде и др.), и поскольку Нестору не удалось удачно провести прием абстракции событий, положенный чрез все „Чтение“.

Второй источник Нестора — личные записи тех рассказов, которые еще не были записаны в Вышегороде. В литературном отношении они мало дают суждения об их авторе.

О заключительной мысли этой второй части „Чтения“ (о покорении старейшему) мы уже говорили ранее. Последующая лирическая похвала хорошо связана и уместна, а несомненная искренность чувства делает ее одним из самых замечательных литературных моментов произведения.

Свое второе житийное произведение — „Житие Феодосия“ — Нестор писал в других условиях и с другою целью, что отразилось на характере и манере письма. Произведение касалось времен, событий и лиц, еще памятных большинству читателей, предназначалось вероят-

ной церковно-иерархической проверке пред допущением к церковному пользованию, — и это обязывало автора показать читателю безусловную точность рассказов и источников их. Нестор и называет всех лиц, к которым можно обратиться за подтверждением событий, со слов которых они записаны, и лишь в редких случаях ссылается глухо на старшую братию, когда, повидимому, случай был слишком общеизвестен, но и из нее выделяя имя то того, то другого брата (Илларион, Федор). В числе свидетелей чудес Нестор охотно называет лиц, сторонних монастырю (выдубицкий игумен Софроний или черниговский игумен Павел; боярин Гегуевич Здеслав), впрочем, иногда и в неопределенной форме (некая жена из дома князя Всеволода, боярин и клирик — в посмертных чудесах), что объясняется, вероятно, общеизвестностью лиц и событий, по времени весьма близких к написанию произведения.

Все произведение может вызвать во внимательном читателе чувство удивления пред тем искусством автора, с каким сшивает он этот ковер пестрых и отрывочных эпизодов жизни Феодосия в связное и живое произведение, в котором соблюдены, однако, внутренняя хронология и большая точность. В противоположность „Чтению“ — „Житие Феодосия“ лишено какой-либо глубокой внутренней идеи, что мы

уже объясняли внешними требованиями, вопреки которым все же Нестор, хотя и коротко, но остановился на обще-русском значении прославления Феодосия.

Если взять не длинный ряд житий русских святых XI—XII вв., т.-е. за все киевское время, и поставить среди них на соответствующее хронологическое место два произведения Нестора, то оценка этих двух произведений не может вызывать затруднения. Каковы же были эти житийные произведения XI—XII вв.? Мы о них можем судить с достаточной вероятностью, хотя огромное большинство дошло до нас лишь в отражениях. Из „Повести временных лет“ можно судить о „житии“ варягов-мучеников и Ольги; из Ипатьевской летописи легко выделяется „житие“ черниговского князя Игоря, убитого киевлянами; наконец, из слова на перенесение мощей Бориса и Глеба можно извлечь, повидимому, в полноте „житие“ черниговского князя Давида. Все это — скромные по размерам и по литературным достоинствам произведения. Авторы не могут подняться до форм подлинного жития, давая скорее краткую и безыскусственную запись, цель которой — передать существо подвига и в которой читатель улавливает бессилие дать литературное произведение. Церковное прославление требовало краткого „жития“ для церковного обихода, и

дальше удовлетворения этой неотложной потребности перечисленные произведения не идут. Но если мы вспомним, что первые русские святые — Борис и Глеб — были предметом особого внимания наших литературных сил, а это дало лишь двойную переделку летописного сказания (мниха Иакова в 1072 г. и его обработка в 1115 г.); что жизнь и подвиг Владимира постоянно будил к себе интерес, не оставив, однако, заметного по силе и размерам памятника, — то мы вправе сказать, что два произведения Нестора выделяются среди прочих произведений той эпохи своими грандиозными размерами, свободною литературною манерою, вдумчивым и оригинальным построением, печатью крупного таланта. За изложением фактов и событий стоит автор с его широким богословско-историческим воззрением, с его сознательно-проводимым — открыто или в искусном умолчании — национальным чувством и оценкой, каких в такой совокупности мало можно встретить во всей литературе киевского периода.

То обстоятельство, что оба несторова произведения предназначались для внецерковного чтения, а „Житие Феодосия“, по всему построению и частым обращениям к братии, ясно дает нам знать, что оно приготовлено для внебогослужебных, вероятно, трапезных чтений в мона-

стырях, — нисколько не искажает предложенного выше сравнения, если вспомнить, что никаких внебогослужебных житий от того времени не сохранилось, а „Сказание“ мниха Иакова и его переделка 1115 г., могущие почитаться за таковые, были уже приняты в расчет. Заслуга Нестора и состояла в том, что у него было достаточно сил и таланта, чтобы дать произведения, которых не имела до него и долго после наша древняя литература.

VIII

„Повесть временных лет“, как литературное произведение.

Последний труд Нестора по времени своего написания отстоит от двух первых на пространстве четверти столетия и по характеру принадлежит к другому роду литературных произведений. Труд этот — „Повесть временных лет“ — не дошел до нас целиком. В 1116 г. игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр подверг его переделке; до нас сохранившейся (т. наз. 2-я редакция „Повести временных лет“), но мы имеем основание представить себе в существе, как подлинную работу Нестора, так и степень ее искажения Сильвестром.

В начале XIII в. епископ Симон и монах Поликарп задумали оживить былую славу своей родной обители — Печерского монастыря, — и подыскивали для того материал; им удалось найти „Житие Антония“ и „Повесть“ Нестора до переработки Сильвестра. К сожалению, обработкою первого произведения занялся Симон, относившийся к своему источнику с известною осторожностью и без больших искажений; вторым произведением же занялся Поликарп, весьма свободно от него отвлекаясь и его перерабатывая. Но, несмотря на это, анализ рассказов Поликарпа дает нам ряд указаний на те летописные рассказы, которые читались в несторовой „Повести“ и были выпущены при переработке Сильвестром.

Извлекая эти заимствованные сюжеты из труда Поликарпа и имея в виду, что по всем данным переработка Сильвестра коснулась почти исключительно времени Святополка, где все благоприятственное Святополку или опущено вовсе, или перенесено на Мономаха (походы на половцев), или заменено другим изложением, сочувствующим Мономаху (вставка большой повести об ослеплении Василька), мы получаем основание довольно отчетливо представлять так называемую „Повесть временных лет“ 1-й редакции.

Нами было указано выше, что в новгородской 1-й летописи младшего извода сохрани-

лись значительные куски так называемого Начального свода, т.-е. летописного труда игумена Ивана, доведившего свое изложение до 1093 г. Сличение этих кусков Начального свода с „Повестью временных лет“ открывает возможность с некоторою отчетливостью представить себе весь труд игумена Ивана, из обработки которого выходил в своей работе Нестор.

Труд свой игумен Иван назвал „Временникомъ, иже нарицається лѣтописание Русьскихъ князь, и земля Русьскыя, и како избѣра Богъ страну нашу на послѣднее время, и гради почаша бивати по мѣстомъ, преже Новѣгородская волость и потомъ Киевская и о статии Кыева, како вѣменовася Кыевъ“. В нем автор сделал, строго говоря, первую попытку построения русской истории с древнейших времен, потому что предшествующее ему летописание (Древнейший свод и продолжение его Никоном в 70-х годах) представляло собою эпизодическое изложение отчасти разрозненных событий, далеко не подымавшееся в глубь древности. Рассказав предания о Кие и его братьях, древнейший свод коротко сообщал о варяжском князе в Новгороде Олеге, об его походе по Днепру, взятии Киева у Аскольда и Дира, о блестящей победе над греками. Этот Олег ушел потом в Новгород, а оттуда за море, где умер от укуса змеи. Собственно, киевская исто-

рия начиналась с Игоря; о котором умалчивалось, кто он, откуда пришел, как овладел Киевом. Здесь не лишне вспомнить, что еще при Ярославе династия вела себя от этого Игоря, как родоначальника, т.-е. не знала его происхождения („старый Игорь“ „Слова о законе и благодати“).

Неудовлетворенный подобным изложением, игумен Иван, опираясь на греческий источник, прежде всего установил „начало русской земли“ в 6362 г., под которым нашел упоминание о нападении Руси на Царьград. Здесь он и привел легенду о Кие с братьями. Воспользовавшись затем новгородской легендой, уверявшей об изгнании новгородцами насильников варягов за море и о добровольном приглашении потом на княжение трех братьев варягов, с Рюриком во главе, игумен Иван определил киевского Игоря, как сына этого Рюрика, и разместил в отношении к Рюрику имена и других князей. Так Аскольд и Дир оказались боярами Рюрика, ушедшими от него в Царьград и осевшими в Киеве, Олег — воеводою Игоря. Основная идея такой переработки, как и последующего изложения событий, — та, что в Русской земле есть лишь одна династия Рюрика, законная не по праву грубого насилия, а по добровольному приглашению, олицетворяющая своим единством — единство Русской земли.

Руководясь этою мыслью, игумен Иван скрыл от читателя все, что народная память еще могла к его времени дать об именах (если не деятельности) местных князей, так как действительное „налезание“ династией Рюрика „Русской земли“ — было процессом длительным, завершившимся не ранее середины XII в. К счастью, все же автор один раз проговорился невольно, увлекшись легендой о мщении Ольги древлянам: из этой легенды узнаем о Мале, древлянском князе.

В работе игумена Ивана, по самому уже заглавию, ясна еще одна привнесенная им идея. Она знакома нам и по житийным произведениям Нестора, что свидетельствует об упорности ее в стенах Печерского монастыря. Мы — последние по призванию, но не хуже первых. Особенно ярко выражено это в заключительных словах свода игумена Ивана, где по поводу половецкого разорения 1093 г. читаем: „Да никто не посмеет сказать, что мы ненавидимы богом! Да не будет! Потому что, кого же бог так любит, как он возлюбил нас; кого так почтил, как нас прославил и вознес? Никого“...

К этой работе своего предшественника Нестор отнесся с большим уважением. В литературной манере той поры не было вообще принято настолько перерабатывать предше-

ствующую работу, чтобы доводить ее до совершенного согласования с собственными воззрениями. Поэтому „Временник“ во многом уцелел под пером Нестора, получив лишь значительное пополнение (в особенности начала) и неизбежную перестройку под давлением новых источников. Именно пополнение начала дало возможность Нестору обнаружить свою огромную начитанность и вдумчивую широту исторического кругозора. Он начал „Повесть“ с очерка расселения народов по потопе и разделения языков, что может быть названо кратким обзором праисторической жизни. Определив в составе племен афетовых словенский язык, Нестор вводит читателя в праславянскую историю, и мы доселе не знаем, откуда он почерпнул эти сведения. Определяя славянскую прародину на Дунае, Нестор следит за расселением славянства по его теперешнему положению, определяя и рассказывая по Днепру, Двине и Волхову те славянские племена, из которых сложилась Русская земля. Рассказом и описанием пути из Варяг в Греки Нестор дает очерк географии тогдашней Русской земли.

Возвращаясь затем к расселению восточного славянства, Нестор коротко сообщает о киевской истории (о Кие с братьями) и начале племенных княжений, отмечая и перечисляя покоренные славянами иные племена. Затем

дается очерк этнографии для всех племен русского славянства с выделением в положительную сторону чистоты жизни киевских полян. Эта праисторическая часть замыкается упоминанием о хозарских временах в форме, взятой из Начального свода.

Историческую часть Нестор начинает с 852 г., как года первого упоминания Руси у греков, и дает любопытную хронологическую выкладку от Адама до Ярослава Мудрого, заканчивая ее словами: „от смерти Ярослава до смерти Святополка — 60 лет“. Иною речью, Нестор писал уже по смерти Святополка (т.-е. после 1113 г.) и имел в виду довести до этого времени свое летописное изложение.

Нестор безусловно стоял на тех основных позициях в оценке русского прошлого, что и игумен Иван: для него также законна и достойна упоминания только приглашенная династия, долженствующая быть единою для единой Русской земли. Вероятно, он не коснулся бы изменения рассказа о начале этой династии, если бы не существовали два новых обстоятельства, не принятых во внимание или неизвестных игумену Ивану.

Нестор внимательно относится ко всем историческим терминам, стараясь точно определить и что такое словенский язык, и что такое славяне и т. п. В ходе этих размышлений он должен

был остановиться на том, что же такое Русь, Русская земля? Игумен Иван глухо об этом упоминал: новгородцы от Рюрика прозвались Русью, а отсюда и Русская земля. Нестор углубляется в этот вопрос: почему Русь, и что такое Варяги. Он дает известную гипотезу: Русь — это варяжское племя, которое привели с собою Рюрик с братьями, и по которому прозвались новгородцы, а потом и все подвластные Рюриковой династии племена.

Нестор привлекал по возможности новые материалы. Он цитирует Амартола; приводит народные предания; упоминает об именах князей, могилы которых еще жили в народной памяти. Вероятно, в связи с дружественными отношениями Печерского монастыря со Святополком, Нестор мог получить для своей работы драгоценнейший источник нашей ранней истории — договоры Руси с греками, несомненно, хранившиеся в княжеском киевском архиве. Несмотря на их дефектность (особенно договоры Олега), Нестор поместил их в „Повесть“, постаравшись искусно связать их с основной изложением, для чего пришлось преодолеть некоторые затруднения, представляемые изложением игумена Ивана. По договорам Олег являлся князем и тем разрывал Рюрика с Игорем. Чтобы сохранить идею единства Рюриковой династии, Нестор выставляет Игоря малолетним сыном Рюрика, за

которого правит до возраста родственник его, князь Олег.

В работе Нестора можно усмотреть верность автора заветам предшественников по летописанию — игумена Ивана, следовавшего по стопам Никона, — все монахов Печерского монастыря, на междукняжеские отношения и их оценку. В этом смысле все части летописной работы — и свода 70-х годов, и свода 1093 г., и свода Нестора — сливаются в цельное изложение знакомой уже нам по выступлению Печерского монастыря в 1072 г. теории братской любви князей под рукою старейшего, прилагаемой на конкретный материал подлинных событий.

Повидимому, понимая свою работу, как княжеское летописание, Нестор был связан в вопросе об отношении Русской земли к Империи, потому что иначе трудно понять, как мог он удержаться от углубления и более ясного раскрытия намеков игумена Ивана о нашем призвании в последний час и о предпочтительной к нам — против всех других — любви божией, ограничив себя лишь рамками до-христианских времен всемирной истории в определении места здесь славян и Русской земли.

„Повесть временных лет“ Нестора закрыла собою предшествующий труд игумена Ивана, но сама оказалась произведением необычайной

жизненности: несмотря на недовольство ею и желания ее переделок, она сохранилась, как целое произведение, не будучи закрыто или отстранено какою-либо последующею летописною работой.

Как известно, Ипатьевская летопись хранит в своем составе с незначительной переработкою киевскую летопись редакции 1199 г. Анализ этой летописи не оставляет сомнения в том, что в ней мы имеем историю киевского летописания от „Повести времѣнных лет“ редакции 1118 г. до обработки 1199 г. И вглядываясь в это киевское летописание после Нестора, всегда княжое, мы видим, как первоначально падает оно в своем литературном достоинстве, хотя и касается деятельности таких князей, как Мономах и Мстислав, потом начинает упадать и в своей полноте, оживляясь, правда, за время Изясла Мстиславича, но утрачивая взвешенность рассказа и, главное, обще-русские горизонты, превращаясь в узко-киевский и узко-княжеский летописец. То начало несомненно обще-русского летописания и оживляющее его чувство единой Русской земли, которым отмечено летописание поры разработки его в Печерском монастыре, постепенно исчезает и суживается, доходя в существе до киевского провинциализма и княжеского личного интереса.

Недаром поэтому наша древность так упорно держалась за „Повесть временных лет“, высоко

ставя в ней не только литературный талант и широкое образование автора, но и высоко чтя ту обще-русскую традицию, которая, сложившись в Печерском монастыре, наполнила все изложение „Повести“, сделав ее тою книгою, без знания которой не мог обойтись ни один образованный человек, на которой учились знать свое прошлое, не как набор фактов и сведений, а как живое национальное ощущение себя, как исторического народа. Когда все больше и больше стала политически распадаться „Русская земля“ и уже заглохла обще-русская традиция Печерского монастыря, „Повесть временных лет“ оставалась тем историческим памятником, который будил во всех углах рассыпавшегося единства Русской земли память о своем великом прошлом и о том, что все мы — общих дедов внуки.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
I. Постановка темы.	5
II. Нестор до вступления в Печерский монастырь	8
III. История Печерского монастыря до времени вступления Нестора .	14
IV. Жизнь и деятельность Нестора в Печерском монастыре; время его двух первых произведений . . .	38
V. Жизнь Нестора в Печерском монастыре; перерыв его деятельности; время игумена Ивана .	71
VI. Жизнь и деятельность Нестора в Печерском монастыре; время и судьба его летописной работы.	87
VII. Два житийных произведения Нестора, как памятники древней русской литературы.	94
VIII. „Повесть временных лет“, как литературное произведение. . . .	102



ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Стенька Разин.
Н. И. КАРЕЕВ — Карлейль.
А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Кастильоне.
В. А. НИКОЛЬСКИЙ — Суриков.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Аннибал.
Т. Н. АНЦИФЕРОВА — Юрий Крижанич.
И. М. ГРЕВС — Данте.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Н. П. АНЦИФЕРОВ — Мадзини.
М. М. БОГОСЛОВСКИЙ — Петр Великий.
Н. В. БОЛДЫРЕВ — Бенжамен Констан.
В. П. БУЗЕСКУЛ — Перикл.
А. ГВОЗДЕВ — Казанова.
А. А. ГИЗЕТТИ — Шелли.
А. К. ГОРНФЕЛЬД — Аксаков.
Л. П. ГРОССМАН — Достоевский.

О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ —

Людовик IX.

Ричард Львиное Сердце.

Д. Н. ЕГОРОВ — Шлиман.

Н. И. КАРЕЕВ — Дантон.

А. А. КОНСТАНТИНОВА — Лоренцо Гиберти.

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Катон Старший.

А. А. КОРНИЛОВ — Бакунин.

Б. А. КРЖЕВСКИЙ — Расин.

„ Сервантес.

К. В. КУДРЯШЕВ — Платон Зубов.

П. П. МУРАТОВ — Лоренцо Бернини.

С. Ф. ПЛАТОНОВ — Иван Грозный.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Александр I.

Б. А. РОМАНОВ — Граф Витте.

А. А. СМИРНОВ — Кальдерон.

Е. В. ТАРЛЕ — Бисмарк.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Емельян Пугачев.

Г. П. ФЕДОТОВ — Абеляр.

А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Лоренцо Валла.

Н. Д. ШАХОВСКАЯ — Князь Курбский.

А. Г. ЯРОШЕВСКИЙ — Станкевич.

